

A
П 555

На правах рукописи

Глушкова Светлана Игоревна

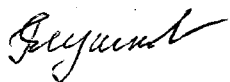
**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ИДЕАЛА
В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ**

23.00.01 – Теория политики, история и
методология политической науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Госуниверситета
г.Екатеринбург

Екатеринбург
2002

Работа выполнена на кафедре истории философии Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор Б.В. Емельянов

Официальные оппоненты:

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук,
профессор С.С. Алексеев

Доктор политических наук, доцент С.В. Мошкин

Доктор философских наук, профессор В.М. Русаков

Ведущая организация – Уральская академия государственной службы

Защита состоится 14 мая 2002 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 004.018.01 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук в Институте философии и права Уральского отделения Российской академии наук по адресу:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 68, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

Автореферат разослан «12» апреля 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

Б.С. Модель

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Исследование политической теории и практики современности, парадоксально сочетающей в себе духовную жажду и многоликое насилие (психическое, физическое, словесное и т.д.), вновь порождает в научной мысли необходимость оправдания человека посредством его прав и свобод, обоснованности прежде всего права человека на достойное существование, поиск основ новых правовых идеалов. Неоднократно в истории человечества на это право человека посягали создатели всевозможных политических мифов о земном рае, о классе и классовой борьбе, о крови (следствием которого стал биологический расизм национал-социалистов Германии), о врагах народа, о космополитах, о диссидентах, др. Политическая мифология (особенно в России) существенно поколебала нравственные устои общества, его отношение к человеку, незащищенность которого ставит сегодня под сомнение вечное существование человеческой цивилизации. В такой ситуации, когда в мире сочетаются гуманизация науки и антигуманность политической практики, совершенство технического прогресса и многочисленные факты человеческого регресса, мы традиционно обращаемся к мировому и отечественному политико-правовому наследию с целью поиска основ новой концепции человека XXI века. И наше интеллектуальное наследие в этом отношении глубоко антропологично. Хотя геополитические факторы и доминанты русской культуры, формирующие ментальность, способствовали развитию более социоцентрических, а не персоноцентрических тенденций, что вело к коллизиям идеалотворчества.

Российское политико-правовое наследие XIX – начала XX в. было полно *коллизий идеалотворчества, коллизий правовых идеалов*, обусловленных вечным конфликтом между моральным и рациональным, нравственным и правовым идеалами. Это противостояние предполагало: 1) перманентное и одновременное развитие совершенно противоположных модификаций права, общества, государства; 2) сопряженность многих полярных идеалов России; 3) оригинальные сочетания универсального и национального, общечеловеческого и самобытного элементов в моделировании общественных, правовых идеалов, др.; 4) многообразие научных школ (исторической, «возрожденного естественного права», государственной школы русской историографии, др.), направлений политико-правовой мысли (консервативного либерализма, либерального консерватизма, др.), политических и правовых теорий (правового социализма, культурного социализма, морально-правового прогресса или регресса, др.); 5) утверждение в российской гуманитарной мысли прав человека как фундаментального основания правовых, политических и общественных идеалов лишь на рубеже XIX – XX в.

И сегодня, в условиях обновляющейся и непрерывно изменяющейся России, особенно остро встает проблема ориентации на такой идеал общественного и государственного устройства, в модели которого был бы разрешен конфликт, ставший поистине драмой российской истории, конфликт между рациональным и моральным, нравственным и правовым идеалами.

Среди истоков формирования коллизийного идеалотворчества прежде всего нужно назвать *феномен патернализма*, который предполагал в русле идеологии «самодержавие, православие, народность» первичность усовершенствования госу-

дарственных институтов и вторичность развития человека как подданного Российской империи, *приоритет государственной самобытности и отказ человеку в праве на свободное проявление своей индивидуальности, в праве быть личностью*. В связи с этим все основные попытки сотворить идеальную модель будущего политического устройства начинались с трансформации монархического устройства, обоснования оправданности для России уникального пути, особой формы государства, построенного на доверии, вере народа; а заканчивались тупиком, ибо внешние формы государства были безжизненны без наполнения их исходным персонифицированным содержанием.

Развитию коллизий идеалотворчества способствовали такие объективные и субъективные факторы, как неподвижный негибкий характер власти, разрыв между официальной и народной культурой, поляризация ценностных ориентаций правящей элиты и ученых, интеллигенции и народа, постоянная необходимость сдерживания социальной и национальной конфронтации.

Также к истокам коллизионного идеалотворчества в России можно отнести правовой и государственный нигилизм, ставший феноменом в 60 – 90-х гг. XIX в. в российской теории и практике; правовой аскетизм и эскапизм, ставшие трагическими спутниками российского общества; а также коллективизм, оставшийся в определенной степени стержнем российской ментальности и сегодня. Отрицание ведущей роли человека-творца, а не разрушителя старых ценностей и порядков, приоритет, отдаваемый религиозной вере, идеологии; культ социальности, а не индивидуальности – все это выдвигало на первый план не отдельную личность, а класс, социальную группу. Это, несомненно, порождало моделирование идеальных конструкций с сословно-иерархическим оттенком, когда ведущим приоритетом становился культ эгалитарной демократии, свободы или революционного насилия, преклонение интеллигенции перед народом. С критикой подобного конструирования идеалов общественного и государственного устройства, которое ярко проявилось в российском марксизме во второй половине XIX–XX в. выступили известные российские политические мыслители Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, А.Д. Градовский, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, И.А. Покровский, Е.Н. Трубецкой, предложившие совершенно эвристические для российской политической мысли XIX – начала XX в. модели правовых идеалов.

Среди политико-правовых оснований *правовых идеалов*, выдвинутых российскими либералами во второй половине XIX – начале XX в., можно назвать следующие: 1) противопоставление теории полицейского государства и теории правомерного, правового, конституционного государства (Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Б.Н. Чичерин.); 2) необходимость согласования гражданских законов с жизнью и потребностями общества, понятиями народа о правде и неправде, положительного права – с правом естественным, а интересов государства – с неотъемлемыми правами человека (П.И. Новгородцев, И.А. Покровский, др.); 3) приоритет права человека на достойное человеческое существование (П.И. Новгородцев, И.А. Покровский, В.С. Соловьев); 4) утверждение права человека на индивидуальность (И.А. Покровский); 5) отрицание совместимости свободы и равенства (Н.А. Бердяев), демократии и деспотизма большинства (М.М. Ковалевский, П.И. Новгородцев); 6) отрицание отождествления власти народа с его свободой (А.Д. Градовский); 7) утверждение в

качестве высшей правовой ценности человеческой личности, которая сама может быть носителем высших ценностей (Н.Н. Алексеев, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой); 8) понимание права как реального социального явления, как социального регулятора общественной жизни, как действительного, а не идеального права (Н.Н. Алексеев, Б.А. Кистяковский, Б.Н. Чичерин).

Приоритет конкретного политико-правового основания порождает те или иные правовые идеалы: правовое государство, правовой социализм, культурный социализм, идеал морально-правового прогресса или регресса, солидарности свободных личностей, др. При всем различии идеальных либеральных конструкций единым объединяющим их стержнем было совершенно новое понимание права, правового идеала, ставшее возможным благодаря возрождению естественного права в России на рубеже XIX – XX вв. Если раньше мыслители лишь пытались объяснить мир, говоря о правовом, социальном, политическом идеале, то теперь аналитики и практики пытались сделать идеал миром, настоящим венцом существования мира, как бы возвращая историю на круги своя в ее «золотой век». Происходил постепенный отказ от отождествления права с принудительным правилом, с придатком экономической, политической системы, и оно начинало восприниматься как правовое убеждение, реальное и действующее, а не идеальное право; как право, которое способно трансформировать государство из полицейского в правовое, а общество – из «арифметической суммы людей» (Б.А. Кистяковский), толпы – в гражданское общество.

В XX веке на первый план в дискуссиях в политической мысли России о правовом идеале выдвигаются проблемы силы, насилия государства над обществом, разграничения их действия, противостояния гражданского общества государству. На протяжении всего XX в. политическая элита, интеллигенция решали дилемму: выбор культуры мира или культуры насилия, войны (хотя стройные концепции той и другой оформляются только сейчас), тоталитаризма или демократии. И сегодня, в начале XXI века, мы являемся свидетелями очередного кризиса демократических институтов (в частности института прав человека, ограничение и сужение которого предлагают ввести сегодня в мире как гарантию безопасности граждан, защиты их от «серой войны», т.е. мирового терроризма) на Западе и в России, когда многие политические исследователи пророчат, что XXI век будет веком авторитаризма. Для России такая будущность особенно опасна, так как она может подтвердить печальную истину исторического прошлого российского общества и государства, что в дилемме «право силы или сила права» приоритет всегда остается за правом силы.

Опасность сегодня представляют попытки навязывания российскому обществу идеалов монархизма, авторитаризма, которые предполагают наряду с физическим и культ психического насилия (выражающегося в воспитании, религиозном и сектантском запугивании, идеологической пропаганде, ежедневном внушении СМИ, монополии партократии, культе денег), которое по силе воздействия на сознание и подсознание человека не уступает физическому насилию.

Для того чтобы российское общество могло противостоять этой опасности, необходимо формирование культуры мира и просвещение в ее духе, формирование правовой культуры российских граждан; при этом творцами и носителями культуры мира должны быть представители интеллигенции. Именно культура мира должна прийти как манифест, освобождающий человечество от всевозможных «измов»,

изрядно расшатавших национальные культуры, которые утратили в битве «измов» и марафоне к прогрессу свою «уникальность». Прошлое и настоящее человека связано с сопротивлением, борьбой, насилием. И, к сожалению, было бы неправомерно продолжить: равно, как и с сотрудничеством, миром, ненасилием, терпимостью к инакомыслию. Культура войны, противостояния не может быть разрушена сразу, сегодня и теперь, как в свое время Берлинская стена. Ибо эта культура формировалась веками как инструмент для выживания смертных и средство для реализации честолюбивых замыслов и проектов сильных мира сего.

Толерантность, ненасилие и гуманное отношение к человеку должны стать основой так называемого манифеста культуры мира, который с неизбежностью придет на смену культуре насилия, войны, и это только вопрос времени, ибо потребность в такой смене сегодня постоянно дает о себе знать. Прологом подобного манифеста, несомненно, могли бы стать христианские заповеди – основы права и нравственности, а его содержание должно быть сопряжено с христианским гуманизмом, неогуманизмом, христианскими версиями гуманизма В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, философией ненасилия Л.Н. Толстого, И.А. Ильина, концепцией альтруистичного человечества П.А. Сорокина, др. Культура мира должна включать в себя целый спектр политико-правовых ценностей, являющихся основаниями идеалов гражданского общества и правового государства будущей России: юридическое равенство, реализация прав и свобод человека и гражданина (гражданских, политических, экономических, социальных, культурных, экологических, информационных), соразмерное соотношение прав и обязанностей человека, гражданина, личности; запрет физического и психического насилия над человеком и обществом; толерантное отношение к инакомыслящим, друг к другу, а также к ним со стороны общества и государства; признание человеческой личности высшей правовой ценностью. Толерантность предполагает терпимое отношение к инакомыслящим и с необходимостью требует синтеза христианской веры (и религиозной вообще) с безрелигиозным и антирелигиозным гуманизмом, ибо разрыв, произошедший между ними в эпоху Ренессанса, до сих пор не позволяет прекратить смертельную вражду «между двумя верами – верой в Бога и верой в человека» (С.Л. Франк).

Сегодня, в начале XXI в., мир переживает очередной кризис, трансформацию гуманизма, в истории которого (XIV – первая половина XX в.) прослеживаются следующие этапы: рационального гуманизма, неогуманизма, профанного гуманизма, антиморального и антирелигиозного гуманизма, христианских версий гуманизма. Среди известных миру вариаций нового гуманизма, возникших во второй половине XX в., можно назвать: «интегральный гуманизм», теоцентрический гуманизм (Ж. Маритен), «эволютивный неогуманизм» (Т. де Шарден), экогуманизм (одним из аспектов которого является биоэтика), этика ненасилия, концепция толерантности. Тема обновления гуманизма, придания ему новых импульсов остается насущной и по сей день и тесно связана, на наш взгляд, с такими проблемами, как: утверждение понимания личности как высшей правовой ценности, обеспечение гуманистического характера права, признание приоритетным правом любого человека права на индивидуальность, признание прав человека как инструмента общественного согласия (и приоритета прав человека над благом общества) наряду с принципами социальной

солидарности. Ибо поиск источников общественного согласия, консенсуса находится не только в плоскости национальной идеи, нравственного идеала (как это традиционно мыслилось в российском менталитете), но и в сфере общечивилизационных, универсальных начал, неотъемлемым элементом которых являются права человека.

Будущее нового гуманизма, по нашему мнению, связано с двумя методологическими основаниями научных исследований, а именно – реальным, практически новым витком «возрождения» естественного права и персонализмом. Персоналистическое постижение права с необходимостью приведет к формированию таких этапов нового гуманизма, как персоналистский гуманизм, экогуманизм, эвристическая ценность которых будет заключаться в смене приоритетов: не столько в отстаивании индивидуальной сущности гуманизма, сколько в утверждении неотъемлемого права человека на индивидуальность, на уникальное отличие. Именно это право человека на уникальность, отличие, разнообразие и является глубинной парадигмой толерантности, ибо по нашему мнению, реализация подобного права способствует формированию нового типа Homo sapiens – человека понимающего.

Идеи персоналистского гуманизма, как мы считаем, впервые появились в работах известного российского правоведа И.А. Покровского и были подготовлены развитием либеральной традиции политической мысли и философии права в России XIX – начала XX в., представители которых в своих *правовых идеалах* последовательно отстаивали идеи приоритета естественного права над позитивным, связи действительного права и солидарности, гуманистического характера права, универсальности прав человека.

Актуальным сегодня является исследование политико-правового наследия российских либералов XIX – первой половины XX в., в котором мы до сих пор продолжаем открывать новые имена, концепции, гениальные идеи, подвергнутые незаслуженному забвению в советские времена. Проблема правового идеала в истории российской мысли является сравнительно новой для современной политической науки и нуждается в изучении, тем более что опыт забвения истории и культурного наследия России в Советской империи уже доказал свою пагубность и катастрофичность для будущих поколений.

Этим определяются основная цель и специальные задачи диссертационного исследования. Достижение *цели данного исследования* – раскрытие сущности, специфики теоретического конструирования в отечественной либеральной традиции XIX – начала XX в. правовых идеалов, анализ правовых идеалов как феноменов российского интеллектуального наследия – реализуется в *следующих задачах*:

- выявить теоретические и методологические основания конструирования правовых идеалов в контексте политико-правового наследия России XIX – начала XX в.;
- определить социально-исторические предпосылки, теоретические источники формирования правовых идеалов;
- провести сравнительный анализ взглядов представителей различных научных школ и направлений на правовой прогресс, идеал правового, общественного, государственного, культурного развития;
- исследовать оригинальные концепции правового государства (в том числе правового социализма Б.А. Кистяковского), гражданского общества;

– проанализировать характер, тенденции, закономерности эволюции и трансформации политико-правовых взглядов сторонников различных направлений отечественной либеральной традиции;

– исследовать взаимосвязь таких феноменов, как право и нравственность, политика и право, правовое государство и гражданское общество, право и традиция;

– исследовать процесс становления, трансформации, судьбу философии прав человека в русской либеральной традиции.

Объектом исследования является отечественное политическое и правовое сознание XIX – XX вв. В данном контексте в работе анализируются политологические и правовые тексты, опубликованные в России и русском зарубежье.

Предмет исследования составляют мировоззренческие системы российских либеральных мыслителей в аспекте моделирования ими правового идеала в XIX – XX вв. Исследование конкретных персоналий российского либерализма обусловлено фактами концептуальной разработки ими составных элементов правового идеала как цели, в направлении которой развивается правовая культура.

Теоретическую основу исследования составили труды российских философов, правоведов, историков XIX – XX вв., ряд которых вводятся в научный оборот впервые, в частности ряд работ А.Д. Градовского, М.М. Ковалевского, И.А. Покровского. Политико-правовое наследие российской мысли до сих пор не является изученным в достаточной степени, многие имена, концепции, работы продолжают открываться впервые и в XXI в. В то время как воссоздание полной интеллектуальной картины этого наследия нуждается в переосмыслении в контексте современности. Это позволит, в определенной степени, не формировать заново тот интеллектуальный потенциал, не создавать вновь те правовые и нравственные ценности, которые уже явились миру в теоретических конструкциях исторического прошлого России.

Для решения поставленных задач теоретическими источниками выступают произведения: Н.Н. Алексеева, Н.А. Бердяева, А.Д. Градовского, Ф.М. Достоевского, К.Д. Кавелина, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, А.П. Куницына, Л.И. Новгородцева, И.А. Покровского, П.А. Сорокина, М.М. Сперанского, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, Б.Н. Чичерина. Изучение отдельных аспектов проблемы было бы невозможно без использования трудов: С.Н. Булгакова, В.М. Гессена, И.А. Ильина, С.А. Котляревского, И. В. Михайловского, К.А. Неволлина, Л.И. Петражицкого, П.Б. Струве, Г.Ф. Шершеневича, др.

Методологическая основа исследования связана с комплексным использованием исторического, биографического, критического, логического методов, таких методов политической науки как сравнительный, типологический, системный, а также принципов и методов политологического анализа, предполагающих: диалектический принцип единства логического и исторического, целостности и объективности. В работе использован *социокультурный подход*, сравнительно новый для методологии гуманитарных наук и предполагающий взаимосвязь и взаимодополнение социального и культурного пластов жизнедеятельности общества. При рассмотрении становления, формирования, трансформации моделей правовых идеалов в российской политико-правовой мысли использовались *принципы политологического и политико-правового моделирования*, предполагающие воссоздание целостной картины теоретического конструирования комплексного правового иде

ала как феномена интеллектуального наследия России. Эти принципы позволили выявить ряд закономерностей, созданных отечественными научными школами в XIX в. – начале XX в.: 1) постепенное тяготение к интегрализму (черте, характерной для западного либерализма, в отличие от соборности как доминанты русского либерализма) как доминанте моделирования правовых, общественных идеалов; 2) утверждение в качестве высшей ценности, в частности высшей правовой ценности – личности, фундаментом которой является собственность. Обращение к личности в подобном ракурсе с необходимостью требовало использования новых *методов персоналистической философии* и в контексте отечественного политико-правового наследия (что достигло своего пика в творчестве Н.Н. Алексеева, Н.А. Бердьева, И.А. Покровского, П.А. Сорокина), и в контексте нашего исследования. В соответствии с этими методами любые имперсональные ценности, выдвинутые в современном обществе как культ, эпицентр жизнедеятельности общества и государства, останутся безжизненными без наполнения общественной жизни, правовой идеологии и политики государства персоналистическим содержанием.

Подобное наполнение возможно при кардинальной смене в обществе научной парадигмы, пришедшей на смену политической идеологии. Ибо естественно-правовая природа личности с необходимостью требует чистоты научного знания, стройности и логичности, целостности и системности, несовместимых с коллизиями политических реалий. Не политика, а правовая политика, гражданская политика должна стать сегодня целью взаимодействия общества и государства, чтобы общество стало гражданским, а государство – поистине правовым. Правовая политика, формирующаяся сегодня законодательной, исполнительной и судебной властями в России, в определенной степени преследует именно эту цель: смену парадигмы политического моделирования – переход от устойчивого тяготения к доступной и достаточно простой *антиправовой политике* – к формированию потребности в любой ситуации использовать методы и средства только правового регулирования, проводить только правовую, гражданскую политику. Подобные тактика и стратегия власти и общества способны снять ту напряженность, которая является стержнем большинства противоречий, конфронтаций, конфликтов в мире: напряженность между толерантностью идеалов и нетолерантностью существующей реальности. Смысловые конструкции толерантности, предполагающие приоритет прав человека, гражданина, личности (в частности, права на индивидуальность) над благом общества, являются новым этапом гуманизации современного либерализма, позволяют говорить сегодня о персоналистском гуманизме, экогуманизме как перспективных парадигмах будущих научных исследований в России.

Степень научной разработки проблемы исследования. Проблема правового идеала в русской либеральной традиции является интегральной темой, затрагивающей историю политической, философско-правовой мысли и особенности социально-культурного пространства той или иной эпохи. В подобном контексте правовой идеал в качестве самостоятельной работы еще не изучался. Однако многие из особенностей исследования данной темы были заложены российскими мыслителями в XIX – XX в. при изучении государственного, социального, политического, нравственного и др. идеалов конца XVIII – начала XX в., отдельные черты формирования и судьбы которых характерны и для правовых идеалов.

Среди классических авторов исследований правового, государственного, общественного, нравственного, социального идеалов XIX – XX вв. необходимо отметить Н.Н. Алексеева («Основы философии права», отдельный параграф этого труда так и назывался «Правовой идеал»; «Идея государства», отдельный раздел данной работы посвящен изучению государственного идеала), С.Н. Булгакова («Два града: Исследование о природе общественных идеалов»), И.В. Гессена («Искания общественного идеала»), С.А. Котляревского («Власть и право»), П.А. Кропоткина («Анархия, ее философия, ее идеал»), П.И. Новгородцева («Об общественном идеале»), Л.И. Петражицкого («К вопросу о социальном идеале»), И.А. Покровского («Основные проблемы гражданского права»), Е.Н. Трубецкого («История философии права»), Б.Н. Чичерина («Философия права»), др.

Либеральная традиция, в контексте которой рассматривается правовой идеал, в отличие от последнего исследована в литературе достаточно подробно. Так, в XIX – начале XX в. формированию сущности и специфики либеральной традиции были посвящены работы Н.Н. Алексеева, Н.А. Бердяева, М.О. Гершензона, В.М. Гессена, А.Д. Градовского, Т.Н. Грановского, Р.Т. Иванова-Разумника, К.Д. Кавелина, М.М. Ковалевского, П.Н. Милокова, П.И. Новгородцева, И.А. Покровского, М.М. Сперанского, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого, Б.Н. Чичерина, др.

В XX в. тема истории либерализма, либеральной традиции начала подробно исследоваться в 90-х гг., когда российское общество с удивлением для себя открывало все новые и новые имена российских правоведов, историков, философов, утверждающих своими научными исследованиями неприменимость к России начала XX в. истины о том, что «нет пророка в своем Отечестве». Пророки, предвещавшие в будущем XX в. кризис и гибель российской культуры, пагубность эгалитарных воззрений, создававшие блестящие теоретические модели правовых, общественных, социальных идеалов, утверждающие эвристическую ценность личности для российской мысли, были реальностью, отторгнутой и преданной забвению авторитарным и тоталитарным режимами.

Воссоздание истории либерализма, формирования либеральной традиции, политической мысли, философии права состоялось в 90-х гг. XX в., благодаря усилиям С.С. Алексеева, А.П. Альбова, Р.А. Арсланова, А.С. Ахизера, В.В. Бойцовой, В.Г. Графского, А.Х. Денилханова, Б.В. Емельянова, А.Ф. Замалеева, И.А. Иванникова, Ю.П. Ивонина, Л.М. Искры, Б.С. Итенберга, З.А. Каменского, Б.Г. Капустина, С.В. Королева, А.Н. Медушевского, В.И. Морозова, И.Д. Осипова, И.К. Пангина, Н.М. Пирумовой, В.И. Приленского, С.С. Секирина, А.П. Семитко, др. В этот же период было издано в России первое основательное исследование по этой проблеме – «История либерализма в России» В.И. Леонтовича, вышедшее в Лейпциге еще в 1974 г.

В 80 – 90-х гг. XX в. впервые появляются исследования, специально посвященные изучению того или иного типа идеала в истории России либо на основании мировоззрения отдельных персоналий, либо на анализе трансформации идеала как сквозной темы в контексте российской политической истории.

Так, проблемы формирования государственного идеала в России были исследованы И.А. Иванниковым, А.М. Величко; социального идеала (в философии «Серебряного века») – Ю.П. Ивоным; нравственного идеала (в трудах И.В. Киреев-

ского) – М.Ф. Антоновым, в философии В.С. Соловьева – С.А. Душиной; социокультурного идеала (в мировоззрении К.Н. Леонтьева) – Г.М. Дрожевой; общественного идеала – А.И. Юдиным (в социологии Н.К. Михайловского), В.Н. Жуковым (в социальной философии славянофильства); соборности как нравственного идеала, в русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. – В.Н. Засухиной, в русской социальной мысли XX в. (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк) – Т.Б. Ивановой; соотношения социального идеала и утопии в русской философии – Р.Е. Селиверстовым; идеала правового государства в философии Б.А. Кистяковского – И.Б. Гайдуковой, др.

«Проблема правового идеала в русской философии права» впервые заявлена А.П. Альбовым, учебно-методическое пособие которого (1998) остается на сегодняшний день единственным трудом по данной проблематике. Правовой нигилизм, правовой идеализм, романтизм, скептицизм, как составляющие правового идеала, в нашем понимании, были предметом специального изучения С.С. Алексеева, Д.Н. Вороненкова, П.А. Горохова, И.С. Ильина, Е.А. Лукашевой, В.С. Нерсисянца, А.П. Семитко, Э.Ю. Соловьева, В.А. Туманова.

✓ Научная новизна исследования заключается в том, что:

1. Впервые в отечественной политико-правовой науке предпринята попытка комплексного анализа и моделирования процесса формирования и развития правового идеала в теории и практике русского либерализма. Она стала основанием для выводов о постепенной гуманизации политики и законодательства (которая развивается рывками, прорывами, посредством маятникового движения исторического процесса), о медленном, но неуклонном утверждении России в движении по пути правового прогресса.

2. Впервые проблема правового идеала исследуется в контексте становления либеральной традиции в России XIX – начала XX в.

3. Впервые мировоззренческие системы персоналий российской политико-правовой науки представлены как модели государственно-правового или нравственно-правового идеалов.

4. Разработаны новые категории современной политической науки: правовой аскетизм, правовой эскапизм, коллизии идеалотворчества, поколенческий порог.

5. Разработана новая типология этапов развития либерализма и либеральной традиции в России с точки зрения формирования правового идеала как цели правовой культуры.

6. Впервые исследуется проблема коллизий отечественного идеалотворчества, истоки которой определяются специфическими доминантами русской культуры и ментальности.

7. В научный оборот исследования включены новые труды (статьи, монографии, сборники) таких российских политических мыслителей, как А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский, И.А. Покровский, материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ).

8. Развитие правового идеала в частности, и политической мысли в целом, впервые представлено в контексте движения российского общества по пути либо правового, либо религиозно-нравственного прогресса.

9. Исследован новый феномен российской ментальности, политического и правового сознания – феномен поколенческого порога, т.е. многолетнего преодоления (освоения, понимания) универсальных духовных и правовых ценностей западной либеральной традиции в контексте дискурса насилия в российском обществе.

Научная и практическая значимость работы. Положения и выводы исследования можно использовать при изучении истории политической мысли, философии права России с учетом анализируемых автором особенностей менталитета, национального характера русского народа, его отношения к проблемам прав человека, преступления и наказания.

Результаты исследования будут полезны для правового просвещения на факультетах политологического, исторического и юридического образования в высших учебных заведениях, разработки научно-исследовательских программ по правам человека, проблемам толерантности, разработки правовой, гражданской политики в современной России.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы при разработке и чтении курсов «Политология», «История политических учений», «История политических и правовых учений», спецкурсов «Права человека», «История либерализма в России», др.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в двух монографиях – «Права человека: русские версии» и «Проблема правового идеала в русском либерализме», и 27 публикациях автора. Общий объем публикаций около 42,5 п.л. Материалы данной работы будут использованы автором для готовящегося в настоящее время учебника «Права человека в России: теория, история, практика» (по гранту Фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макартуров, США). Основные положения работы докладывались на международных, республиканских и городских научных конференциях и научных семинарах с 1995-го по 2001 г. Основные идеи и результаты диссертационного исследования обсуждались на кафедре истории философии Уральского государственного университета им. А.М. Горького и на теоретическом семинаре в Институте философии и права УрО РАН. Выводы и материалы диссертации использовались при разработке и чтении спецкурса «Права человека: теория и история» на факультете политологии и социологии УрГУ, на юридическом факультете Гуманитарного университета, при подготовке учебной программы этого курса совместно с Уполномоченным по правам человека Свердловской области.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, девяти глав, подразделенных на параграфы, заключения и библиографического списка. Библиография включает в себя 258 наименований. Общий объем работы 448 страниц.

Основное содержание работы

Во Введении обосновываются актуальность темы исследования, научная новизна, характеризуется степень ее разработанности, формулируются цель и задачи диссертации, ее методологические основы, отмечается практическая значимость.

В главе I «Проблема правового идеала в контексте формирования политической культуры России» исследуются особенности менталитета русского наро

да, своеобразие российской истории, определившее специфику формирования проблемы правового идеала в русской политической мысли; рассматриваются этапы формирования правовых идеалов в русской либеральной традиции.

В § 1 «Специфика идеала в русской культуре» рассматриваются уровни моделирования конкретного идеала, прогностическая и регулятивная функции и назначения идеалов в обществе, в целом, и в российском обществе, в частности. Идеал, как потребность любой культуры, всегда выступает, по нашему мнению, как возможный, реальный или утопический прогноз будущего развития общества и государства, из составных элементов которого формируется политическая идеология конкретного класса, общественного движения, партии, правительства. Регулятивная функция идеалов заключается в том, что идеал выступает своего рода настройщиком самых тонких струн человеческой души, надежд и чаяний общества, политики, правительства на конкретную волну. В этом смысле идеал призван направить энергию социальной группы, общества к более прогрессивным или регрессивным, либеральным или радикальным, традиционным или эвристическим, утопическим или реальным действиям. *Уровни построения (моделирования) конкретного идеала включают в себя, по нашему мнению, следующие ступени развития:* 1. *Трансформация* абстрактной идеи в образ, совершенный идеальный образец, олицетворением которого является герой, символ, миф; наделение образа некими идеальными чертами, граничащими с утопическими. Эта постоянная опасность перерастания любой идеальной модели в утопию (пессимистический прогноз) нарастает по мере того, как идеал всё более противопоставляется действительности и носит альтернативный ей характер. 2. *Построение* (создание) концепции идеала либо по пути противопоставления его реальной действительности, предполагающему скачок из Царства необходимости в Царство свободы (радикальный вариант); либо по пути адаптации, приспособления его к действительному положению вещей (консервативный, либеральный варианты); оптимальным и оптимистическим является в данном случае средний вариант, сочетающий в себе и возвышенную стратегию, и компромиссную тактику. 3. *Поиск* сторонников и сочувствующих, способных к ним примкнуть, и появление оппонентов. То и другое с необходимостью предполагает деформацию идеала, появление дочерних концепций, правого и левого крыла, фанатиков, критиков, скептиков и т.д. На этом этапе идеал из теоретической концепции превращается в синтез религиозной веры и научной теории, создавая почву для поклонения «сверхчеловеку», «Богочеловеку», олицетворяющему образ национального героя, мудреца, святого и «рисующему» страждущим картины нового небесного града на земле. 4. *Восприятие* (усвоение) или отторжение обществом или отдельной социальной группой конкретного идеала в силу опережения им событий, сознания людей, истории, в силу его утопичности и несбыточности; либо восприятие в силу харизматичности лидера, близости выдвигаемых ценностей христианским заповедям, что сыграло свою роковую роль, например, в судьбе российского социализма. 5. *Трансформация* идеала в идеологию: авторитарную, демократическую, тоталитарную, национальную, классовую, этатистскую, консервативную, либеральную, радикальную и т.д., всегда основывающуюся на социальных мифах; а также *трансформация* идеала либо в утопический проект (пессимистический прогноз), либо в проект реального переустройства мира (оптимистический прогноз). Но даже утопическая модель

способствует поддержанию культуры, выполняя наряду с определяющей – регулятивной, по крайней мере, еще две функции: а) «поддерживать (в плане идей и языка) культурообразные социальные структуры и процессы», б) «готовить условия (зону ближайшего развития) для дальнейшего культурных изменений» (В.М. Розин). 6. *Утверждение идеала* в сознании, деятельности людей, общества в целом; формирование мотивации на достижение идеала. 7. К этому последнему этапу выживают не все идеалы. Он предполагает *создание условий* для реализации идеала в обществе и государстве, воплощение идеала, закрепление основных его черт в нормативных актах, в моральных и правовых нормах, в политическом и правовом сознании людей.

Независимо от типа идеал всегда включает в себя в той или иной модификации доминанты национальной культуры, приоритет одной или нескольких из которых и направляет процесс моделирования идеала, и придает ему особую специфику и колорит. Эти доминанты остаются, в основе своей, неизменными и при трансформации идеалов в период кризисов, реформ, когда меняются традиционные, устоявшиеся идеалы и формируются альтернативные – смелые и рискованные – модели. О потребности в таких моделях в периоды интенсивной мобильности общества в России размышлял в своё время русский анархист *П.А. Кропоткин*. В истории России мы наблюдаем некую закономерную тенденцию: действительно, только глубокие потрясения, их разрушительная сила, и запретительный заряд или заряд вседозволенности были способны прервать реакционное, статичное развитие общества. И такое постоянное прерывание нити истории заставляло общество в периоды потрясений и переворотов принимать каждый раз новые правила и нормы, приспособляться к нововведениям власти или противостоять им, что не создавало, а колебало и разрушало устои, не позволяло укрепляться традициям в политической жизни общества, на отсутствие которых мы так часто сетуем сегодня.

В русской культуре, *антиполитичной* (как и любая другая культура) по своей сути, постоянно (с превалированием в разные периоды тех или иных приоритетов) боролись тенденции: открытости и замкнутости, прогресса и регресса, старины и новизны, консерватизма и либерализма, традиции и новации. Сочетание подобных антиномичных тенденций способствовало нестабильному, противоречивому развитию российского общества. Особенно ярко и непримиримо эти тенденции были выражены в ключевые, переходные периоды истории России: 1) *эпоху принятия и распространения христианства (X–XII вв.)*; 2) *переход от Средневековья к Новому времени (XVII – первая половина XVIII в.)*; 3) *эпоху Просвещения* (правления Екатерины II); 4) *эпохи преобразований Александра I (1801 – 20-е гг. XIX в.)* и Александра II (60 – 70-е гг. XIX в.); 5) *эпоху Серебряного века в начале XX в. в России*, предлагавшую новый вариант традиционной дилеммы старины и новизны в русской культуре: движение по пути *религиозно-нравственного* или *правового* прогресса; и соответственно, *замкнутости* культуры на атрибутах, канонах православной веры или *открытости* культуры взаимовлияниям права, политики, психологии; движение к атомизму или универсализму культуры. Соборность как ведущая черта российского менталитета предполагала развитие России по пути религиозно-нравственного прогресса. Этот вектор истории России отстаивали славянофилами, консерваторами. Интегрализм, развиваемый русскими либералами и заимствованный ими из западноевропейского либерализма, предполагал движение к правовому прогрессу;

как тенденция это движение начинает свое развитие с кодификации М.М. Сперанским российского законодательства. Определяющим началом движения к правовому прогрессу явилось утверждение русскими либеральными юристами права как первоосновы и фундамента государства, как живого организма, способного изменить мир. В целом, в этот период российская мысль была переполнена идеями, которые были призваны их сторонниками в будущем перевернуть мир: идея анархии, идея всеединства, идея права, идея прогресса, идея фактического равенства, др.

Особенностью российской модернизации явилось сочетание религиозной и светской доминанты, противостояние которых усилилось с петровских времен, когда старина, традиции стали отождествляться лишь с религиозной верой, обрядами, а носителем новизны признавалось только государство, за которым закрепилась монополия на новые влияния, течения, моду и т.д. Это противостояние рождало две противоречивые модели политического развития, по пути старины или новизны, предполагавшие движение в сторону правового или религиозно-нравственного прогресса. Идейная основа этих движений была заложена славянофилами и западниками. Позже, с оформлением общественных и политических течений, идею религиозно-нравственного прогресса поддерживали консерваторы и радикалы (воспринимавшие и социализм как религию, как свою новую веру; в этом смысле Советская империя развивалась по пути религиозного прогресса), а идею правового прогресса – либералы, создавая на ее основе правовую идеологию русского либерализма. Либерально-правовая традиция стала складываться в России начиная с С.Е. Десницкого, М.М. Сперанского, А.П. Куницына, определявших принципы и направленность развития правового прогресса. Системное изложение концепция правового прогресса, правовая идеология русского либерализма получили в трудах А.Д. Градовского, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, П.А. Сорокина, Б.Н. Чичерина, других российских политических мыслителей второй половины XIX – начала XX в. Среди идеологов правового прогресса в советское время – время правового аскетизма и эскапизма – можно назвать только академика А.Д. Сахарова, создавшего концепцию мирного сосуществования, конвергенции различных политических держав и проект демократической конституции России задолго до 1993 г.

В целом, все политические, общественные идеалы таят в себе стремление к человеческому совершенству посредством изменения мира или, наоборот, посредством совершенствования самого человека. Но необходимо отметить, по нашему мнению, *постоянную потребность* в таких идеалах (нравственных, общественных, социальных, правовых, др.), даже утопичных, в целях обновления *культурной матрицы*, закладывания в ней *ниши для будущих изменений, нового развития*.

В § 2 «Проблема правового идеала в русской политической мысли» отмечается, что теория правового идеала сформировалась в России как стройная концепция во II половине XIX – начале XX в. в творчестве Н.А. Бердяева, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, В.С. Соловьева, П.А. Сорокина, Б.Н. Чичерина и других представителей политической мысли. Однако отдельные ее элементы начали развиваться еще русскими просветителями и сторонниками правительственного конституционализма при Екатерине II и Александре I. Так, идеи личных прав человека, внесловной ценности человека, права собственности, гарантий прав человека и другие идеи философии прав

человека, в русле естественно-правовой доктрины разрабатывались в русской мысли В.М. Золотницким, С.Е. Десницким, Д.А. Голицыным, Н.И. Новиковым, А.Н. Радищевым, Д.И. Фонвизиним, др. в конце XVIII в., А.П. Кунцыным и М.М. Сперанским в начале XIX в.

В русской либеральной мысли второй половины XIX – начала XX в., по нашему мнению, стала четко оформляться тенденция к формированию теоретических основ правовой политики в России. Среди них политические мыслители развивали следующие идеи: правовое равенство, личная свобода, правовое ограничение государства, привлечение граждан к участию в управлении государством, необходимость создания конституционных и судебных гарантий прав и свобод человека и гражданина. В контексте правовой идеологии русского либерализма конца XIX – начала XX в. подобная политика должна была прийти на смену многовековой антиправовой политике российского правительства. Моделирование правового идеала в русском либерализме в этот период стало воплощением надежд политических мыслителей на мирное, бесконфликтное преобразование государственного строя. Будущая правовая политика, по замыслам русских либералов, предполагала формирование доктрины ненасильственных действий, толерантных взаимоотношений, а также замену традиционного типа разрешения политических конфликтов в виде подавления, насилия новым типом – путем мирного урегулирования противоречий между государством и обществом, правительством и народом, интеллигенцией и народом.

При рассмотрении права и политики в этот период в российской политической мысли возникали прежде всего проблемы существования таких не тождественных феноменов, как политика права и правовая политика. Политика права касается, как отмечал Ф.В. Тарановский, проблем дальнейшего правотворения, «внесения сознательного человеческого творчества в стихийный закономерный процесс развития права». В то время как правовая политика является уже не непредсказуемой, а оценочной категорией, предполагающей, что проводимая политика соответствует правовым нормам. Правовая политика, как нам думается, и есть возможное и необходимое продолжение политики права. Наряду с темой правовой политики, в начале XX в. в политической мысли России также развивались идеи культурной политики, недопустимости подчинения культуры политике, положения культуры как «служанки» политики. В связи с этим интерес представляют политические взгляды П.Б. Струве, развивавшего в политической мысли начала XX в. идеи социал-реформизма, разумного отношения к социализму как целесообразной идее хозяйственной организации и социального порядка. Идея порядка в социалистическом учении была сродни идее правопорядка, популярной в тот период в политическом лексиконе правительственной бюрократии, либеральной интеллигенции.

Исследование соотношения политики и права в российской политической мысли России XIX – начала XX в. предполагало формирование правовой и культурной политики как средств, способных противостоять деспотизму толпы, беззаконию властей. Новая политика рассматривалась нелибералами (М.М. Ковалевский, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, др.) с позиций рационального и целесообразного распределения общественной энергии в условиях ее перманентного распыления в начале XX в. Правомерно отказываясь от отождествления политики и права, права и закона, нелибералы считали необходимым восстановление культурных

ценностей, в служении которым право только и может стать силой в движении к правовому прогрессу. Неолибералы не принимали абсолютизации политики, права, справедливо рассматривая как глобальную опасность в политической жизни в начале XX в. быструю восприимчивость общественного сознания к культам, мифам, идолопоклонничеству.

Проблема *правового идеала* в контексте дилеммы «политика или право» рассматривалась в российской политической науке XIX – начала XX в. в нескольких аспектах: 1) морально-правового прогресса; 2) морально-правового регресса; 3) правового государства; 4) правового социализма; 5) эволюции прав человека, их приращения; 6) правового нигилизма; 7) правового аскетизма, эскапизма, др. Методология исследования авторов данных вариаций правового идеала предполагала использование таких подходов и методов, как: естественно-правовая или позитивистская доктрина, персонализм или трансперсонализм, персонцентризм или социоцентризм, сравнительно-исторический подход или социологический подход, христианский или антирелигиозный гуманизм и т.д.

Особенностью российских концептуальных моделей в политической мысли был *интегрализм*, включающий в одну цельную систему факторы, явления, ценности различных отраслей знания: философии, права, истории, политической науки, др. Это было обусловлено тем, что «русское мировоззрение можно считать практическим, так как оно ориентировано на улучшение мира, мировое благо, а не на одно понимание мира (С.Л. Франк). *Практичность* как черту русского мировоззрения, как мы считаем, можно дополнить *многогранностью, синтетичностью, антиномичностью*, т.е. готовностью включать, сочетать даже противоположные позиции, теории, концепции. Результатом этого стало *многообразие* научных школ, направлений в редкие периоды духовной и политической свободы русских мыслителей, появление оригинальных концепций философии истории, философии права, русской политической мысли.

В § 3 «**Этапы формирования правовых идеалов в русской либеральной традиции**» выделяют следующие этапы: 1. Середина – конец XVIII в. – когда правовой идеал развивается еще в недрах *идеала самодержавного правления*, формируются лишь отдельные идеи: законности власти, прав народа, появляется идея прав отдельного сословия дворянства. 2. Первая четверть XIX в. – в это время готовится несколько проектов конституции «Негласным комитетом», М.М. Сперанским, Н.Н. Новосильцовым, декабристами, в каждом из них впервые находит отражение правовой идеал конституционной монархии, аристократической республики или других форм правления; характерной чертой большинства этих проектов является попытка приспособления, адаптации нового идеала к реальной действительности, принцип постепенного реформирования страны. 3. 30 – 60-е гг. XIX в. – в этот период формируются *основные школы отечественной юридической науки* (естественно-правовая, позитивистская), *политической мысли* (славянофилы, западники, либералы, консерваторы, радикалы), представители которых создают целый спектр национальных, общественных, государственных идеалов, составляющей которых является тот или иной правовой идеал. 4. 70 – 80-е гг. XIX в. – в реформаторский период Александра II происходит *сближение разнонаправленных, классовых идеалов* на почве устойчивой потребности в изменениях, трансформации

общества. 5. 90-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в. – *формирование школы «возрожденного естественного права»* (П.И. Новгородцев), сторонники которой впервые создали в России целый спектр истинных правовых идеалов. В то же время происходит отождествление, смешение общественных, государственных идеалов на почве утверждения модели правового государства, выдвигения в изменившейся иерархии ценностей идеи первичности правовых, а не нравственных норм, идеи законности, правопорядка, гарантий прав человека. 6. 20 – 80-е гг. XX в. – *утверждение в политической теории позитивистской доктрины и модели полицейского государства*. Идеи правового государства, прав человека обсуждаются в этот период лишь в диссидентских кругах. 7. С 90-х гг. XX в. – *вновь возрождение естественного права*, теорий правового государства, гражданского общества, трактовка их в русле нового гуманизма. *Формирование концепции толерантности*.

Правовой идеал ХХI в., по нашему мнению, сопряжен с движением к политическим коалициям, компромиссам, обогащению культур (путем признания права каждого на отличие, разнообразие, т.е. признания толерантности), приращению прав и свобод человека и гражданина, правового и нравственного прогресса, утверждению гражданского общества, и не только правового, но и культурного государства; движением не противопоставлению, а взаимодополнению науки и религии; толерантному отношению к инакомыслию, иным верам, религиям, идеологиям; новому персоналистскому гуманизму.

В главе II «Формирование представлений о праве и правах человека в контексте проблемы преступления и наказания в России в XVIII – начале XX в.» основные составляющие правового идеала рассматриваются через призму отношения в российской политической теории и практике к вопросам о преступлении и наказании. Любой правовой идеал, по нашему мнению, должен включать в себя гуманное отношение к преступникам, соразмерность преступления и наказания, гуманизацию уголовной политики и уголовного законодательства вплоть до отмены смертной казни. Поэтому в контексте рассмотрения правового идеала мы считаем важным исследование вопроса о преступлении и наказании. В целом, правовой идеал включает в себя, как мы думаем: 1) гуманное отношение к каждому человеку, в том числе к преступнику; 2) гуманизацию правовой политики; 3) признание личности высшей правовой ценностью; 4) утверждение справедливого порядка, верховенства права, обоснованности и гарантированности прав и свобод человека и гражданина. Но самым важным является здесь не только суть идеала, но и пути его достижения. Реальным в этом отношении может стать идеал, достигнутый конкретным опытом познания и приобретения персональных ценностей, а не «скачка в царство свободы», в утопию земного рая. В этом смысле исследование и построение правового идеала возможно в русле персоналистического и феноменологического подходов, а в отношении к России – прежде всего преодоления трансперсоналистического подхода.

В иерархии ценностей русского народа *права человека* традиционно занимали самую последнюю нишу, приоритет же в консервативной по сути политической идеологии самодержавного государства, традиционалистском мышлении отдавался *обязанностям и обязательствам*. Подобное соотношение определяло *первичность долга и вины, воздаяния и покаяния в дилемме нравственных и правовых норм*,

права и морали, права и политики, преступления и наказания. *Философия преступления* доминировала, определяла взаимоотношения государства и индивида, при этом все взаимосвязи рассматривались через призму нарушения границ, пределов не государством прав индивида, а индивидом прав государства, в русле *полицейской*, а не *судебной ответственности*. Подобная философия, ставшая основной парадигмой политики полицейского государства, рождалась: 1) под прессом прежде всего *геополитических факторов* в XIII – XIV вв., когда территориальный вопрос в период объединения русских земель, формирования централизованного русского государства был самым болезненным, требуя единства и подчинения; 2) в условиях *отсутствия единого для всей Руси права*, когда свои установления в разрозненных еще русских землях провоцировали появление в народной культуре известной половицы: «В чужой монастырь со своим уставом не ходи». *Единство царя и земли, царя и народа*, централизация стали основными константами русской культуры, свидетельством мощи российского государства, и любые попытки словесно опровергнуть, нарушить эти константы воспринимались как преступление.

Карательная, репрессивная политика Российского государства в X – XX вв., усиливавшаяся в периоды смены власти, бунтов и мятежей народа, способствовала: формированию полицейской ответственности подданных перед государством; смещению функций наказания в сторону устрашения. Жестокость наказания вела к утверждению в менталитете несовместимости понятий справедливости и правосудия, вела к правовому аскетизму и эскапизму; право, правосудие связывались с понятием силы, насилия и получали, еще не полностью сформировавшись в сознании, негативную оценку. Подобная политика поддерживалась силой, «палочной дисциплиной», военной и трудовой дисциплиной как средствами полицейского государства. В истории российской политической практики понятие «вины», «обязанности» предшествовали категориям «прав», «привилегий». В целом, фактор насилия, обусловленный, в свою очередь, геополитическим фактором, оказался одним из ведущих в образовании и формировании Российского государства, что несомненно сказалось на последующей правительственной политике и менталитете народа.

Постепенно шел процесс *гуманизации уголовной политики и уголовного законодательства*, хотя и довольно медленно; происходил отказ от пагубного для общества и государства мнения, что жестокость наказаний предотвращает преступления, а смертная казнь способствует безопасности подданных; а соответственно развивался процесс гуманизации правосознания общества. Это было возможно благодаря деятельности земских либералов, либеральной профессуры, представителей правительственного конституционализма и других направлений (неолиберализма, радикально-демократического либерализма и т.д.). Огромный переворот в правосознании общества произошел в период реформ Александра II, в частности, *судебной реформы 1864 г.*, когда были закреплены *демократические принципы деятельности судов: равенство всех перед судом, создание всесословного суда, отделение суда от администрации, несменяемость судей, выборность мировых судей и присяжных заседателей*; был учрежден институт следователей; *адвокатура*, в деятельности которой впервые в России предпринимались попытки защитить личность от произвола, насилия в семье, обществе и государстве, отстоять права подданных на человеческое достоинство, достойное существование, др.

Правительство, с одной стороны, сокращало применение смертной казни, а с другой стороны, расширяло полицейский контроль, делая поднадзорным, подозрительным каждого. Система слежки и полицейского контроля должна была компенсировать страхи и опасения правительства по поводу собственного выживания, что существенно ограничивало политику целями сохранения существующего режима и не предполагало постепенного прогрессивного развития. В целом *трагедией российской истории*, российской политики мы считаем нацеленность правительства на консервативное, традиционалистское начало сохранения, а не либеральное, прогрессивное начало развития. Подобная репрессивная политика, жестокость и не всегда оправданность наказаний в Российском государстве способствовала формированию совершенно обратного отношения к преступнику со стороны народа – жалости и сострадания. *Жалость к преступникам, как и жалость к юридивым*, Ф.М. Достоевский объяснял самой главной, коренной духовной потребностью русского народа – потребностью страдания «везде и во всем», которой человек «заражен искони веков»; даже в счастье есть элемент страдания, которым человек наслаждается.

Достоевский одним из первых в русской общественной мысли начал исследовать проблему определения *психологического типа преступника*, психологии преступного поведения, предугадал и показал в своих произведениях новый тип *героя-разрушителя*, который в XX в. действительно стал в России определяющим судьбу русских революций и преобразований советского периода. *Русская революция*, считал Н.А. Бердяев, *в значительной степени совершилась именно по Ф.М. Достоевскому*. И, действительно, как мы знаем, революция (и 1905 – 1907 гг., и 1917 г.) несли с собой тот разрушительный заряд, ту психологическую напряженность, которая способствовала тотальному поглощению народного менталитета страхами и противоречиями, расколовшими общество.

Наряду с процессом постепенной гуманизации уголовной политики и уголовного законодательства во второй половине XIX в. активно утверждалось революционное сознание, несущее элементы разрушения, антирелигиозный гуманизм. И это полярное, противоречивое развитие двух разнодействующих потоков в правосознании общества вело к дисгармонии, диссонансу общественного развития, противостоянию двух основных сил общества, которые должны находиться во взаимосвязи – *силы разума и силы личностей*. *Движение права* развивалось в связи с этим по двум противоположным путям: с одной стороны, *пути правового прогресса* (гуманизации уголовного законодательства, приращения прав граждан), а с другой стороны – *правового регресса*, предполагающего разрушить старые ценности, устои, в которых намечалась явная либерализация. Процессы либерализации политики развивались в России по принципу *маятникового движения*: то свертывались, то расширялись. И, к сожалению, очередные периоды расширения либерализации (60 – 70-е гг. XIX в., начало XX в.) совпадали с антиправовыми установлениями, действиями революционных сил, что вновь способствовало *откату либерализма*, свертыванию его в политике и отступлению к реакции.

В главе III «Формирование либеральной традиции в русской мысли XVIII – начала XX в.» исследуются особенности западной и русской либеральной традиции в контексте проблем прав человека, правового идеала, рассматриваются

основные этапы развития русской либеральной традиции. В § 1 «Специфика понимания прав человека в западной и русской либеральной традиции» отмечается, что отличительной чертой западной либеральной мысли стала идея гражданского общества, развитие которого должно предшествовать или сопутствовать развитию конституционного (правового) государства. В то время как для российского общества при сохранении до 1861 г. гражданского рабства (крепостного права) эта идея была утопической, поэтому российские либералы, в отличие от западноевропейских и американских, не имели опыта сотрудничества с правительством путем компромисса и соглашений. Идеи гражданского общества и правового государства в России не были сопутствующими концепции каждого либерального мыслителя. Не пугала их, в отличие от западных либералов, и тирания общественного мнения большинства в силу отсутствия такового.

Результатом политико-правовых исследований западноевропейских и американских либералов XVII – XIX вв. стало формирование западной либеральной традиции, в которой либерализм рассматривался как многоплановый феномен: 1) «как признание самого факта свободы»; 2) метод, для которого неприемлемы нетерпимый морализм и развязность просвещенного деспотизма; 3) либеральные партии, заинтересованные в свободном развитии личных сил индивида и уверенные в том, что «свобода высвобождает энергию, порождает уверенность и согласие, а также дух спонтанно складывающихся товарищества и взаимопомощи»; 4) искусство управления, состоящее в «умении соединить принцип консервации с принципом прогресса, отличать реальность от химеры»; 5) стабильность, постоянство, беспристрастность (Г. Де Руджеро). В отличие от западной либеральной традиции русская традиция в силу особенностей исторического развития сужала аспекты рассмотрения либерализма до интеллектуального течения, политического движения, программы правительственных действий.

В целом, судьбу либерализма в России определила его зависимость от традиции имперского строительства, которая воплощала единство внутренних и международных приоритетов политики правящей элиты страны. Почва для развития в России либеральной традиции была создана реформами Александра II, поддержавшими либеральные идеи прав человека русских мыслителей. Благодаря реформам 60 – 70-х гг. XIX в. в России впервые были созданы такие либеральные институты, как земства, суд присяжных, адвокатура, местное самоуправление. В это время Россия могла воспринять передовые принципы политической и социальной науки и в соответствии с ними преобразовать политический и социальный строй, однако эта возможность была утрачена, «социальный эксперимент Александра II остался незаконченным» (С.С. Секиринский). «Непримиримость либерализма и народнической демократии в пореформенную эпоху» стала свидетельством того, что в России еще не было сформировано общество, готовое «придать смысл либеральным концепциям свободы как высшей цели» (И.К. Пантин), выступить в защиту прав и свобод человека и гражданина. Это было обусловлено тем, по нашему мнению, что если для американской демократии XIX в. (общество без феодальных корней) либерализм являлся «естественным» феноменом, то для российского общества XIX – XX вв. (еще сохранявшего феодальные корни) он оставался искусственным феноменом. Ибо, как справедливо отмечал Л. Харц, скрытые корни

социалистической мысли на Западе можно обнаружить в феодальном этосе; феодализм «инспирировал теории Руссо, а вместе они инспирировали Маркса». Поэтому, по нашему мнению, сохранение феодальных корней способствовало столь быстрому восприятию и распространению социалистических идей в России.

Исход дальнейших событий во многом определила Первая мировая война, способствующая ослаблению самодержавного режима, усилению радикальных сил, сужению реформаторской деятельности. В октябре 1917 г. ведущую роль на пути к революционной катастрофе сыграл «больной» и так и не решенный (в том числе либеральными правительствами кн. Г.Е. Львова, П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского) в России аграрный вопрос. Однако, несмотря ни на что, русским либералам удалось совершить прорыв к демократическим идеям XX в. (С.И. Гессен, И.В. Гессен, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий). Так, принцип «равенства перед законом» претерпел в их мировоззрении трансформацию в принцип «равенства исходных шансов». Основной дилеммой для русских либералов начала XX в. стал выбор политической формы демократии, о чем впервые заявил П.Б. Струве: истинно либеральная или якобинская (пролетарско-плебейская) демократия. В результате форма якобинской демократии оказалась ведущей в силу отсутствия четко разработанной реформистской альтернативы самодержавию в России.

В § 2 «Особенности и этапы развития русской либеральной традиции» рассматриваются особенности следующих этапов развития русской либеральной традиции: просветительский, консервативный, радикальный, демократический (радикально-демократический). Подобная резкая смена – от консервативного к радикальному либерализму – способствовала кризису философии, теории и практики либерализма. Именно в состоянии кризиса, культурного раскола, отсутствия единства, неадекватного восприятия либеральной идеологии со стороны общества, поиска новых путей развития либерализма – либо компромисса с революционной властью, либо примирения с терпящим крах режимом – и застала революция представителей либерализма, разлитого в политических партиях и общественных движениях и расколотого на противостоящие группировки.

Либеральная традиция формировалась в России в нескольких ипостасях: 1) как стиль прогрессивного, радикального мышления, противостоящего консервативному стилю; 2) как ценностные установки, ориентации русских мыслителей, русского общества в целом на приобщение к достижениям мировой правовой и политической культуры; 3) как общественное движение, развивавшееся начиная от этапа кружковых организаций до создания партий и блоков; 4) как тенденция к преобразованию в политической, социально-экономической сферах, ставшая константой протестного конституционализма начиная с Александра I, получившего «прививку» либерализма от наставника Лагарпа и Екатерины II. Отдельные либеральные идеи (о парламенте, правах человека, разделении властей, просвещении народа, др.), появлявшиеся и развивавшиеся в российской мысли и политической практике эпохи Петра I, Екатерины II, приобрели логическую завершенность и систематически впервые были сформулированы М.М. Сперанским в 1809 г.

В силу того, что культурно-исторический процесс в России развивался не последовательно, а путем прорывов и рывков, в обществе с каждым таким скачком в неизвестность возникала потребность в идеале, модели совершенного устройства

общества и государства. И таких идеалов российская политическая мысль, либеральная традиция дает предостаточно. Но чем более русские мыслители увлекались созданием образцов и идеалов в силу *эсхатологичности* мышления (т.е. стремления к некой завершенной, конечной, совершенной модели мира), тем более они удалялись от практических, реальных условий, которые свидетельствовали об утопичности многих проектов и моделей.

До эпохи реформ Александра II *консервативная и либеральная традиции* в российском обществе развивались как полярные и борющиеся друг с другом направления русской мысли, политики, как противоположные стили мышления: с одной стороны, правительства и народа (консервативная) и, с другой стороны, либеральных представлений литературной, политической мысли (либеральная). Кроме того, еще одной особенностью формирования русской *либеральной традиции*, утраченной с приходом Советской власти, было ее параллельное развитие с формированием русской *национальной идеи*, о существовании и уникальности которой впервые заявил П.Я. Чаадаев. Именно *русская идея*, пережившая в истории России *либеральную традицию*, и стала, по нашему мнению, *основанием легитимации русского марксизма* в начале XX в., представители которого стремились установить новый самобытный строй и потому использовали настроения большей части общества, настроенно и отрицательно относившейся к западноевропейским институтам парламентаризма, конституционализма и предпочитающей старые русские институты власти: вече, Земский Собор, др. *Русская идея*, основанная на мифах об аполитичности русского народа, об отсутствии у него потребности в обеспечении прав, трансформировалась в Советской империи в советскую идею со своими мифами и идеологемами. *Русская национальная идея*, возводимая в культ, стала дестабилизирующим обществом фактором, продолжая быть основанием для раскола. Если в XIX в. произошел только один раскол общества на западников и славянофилов, то в XX в. таких расколов было множество: на врагов и друзей народа, на правый и левый уклон, на космополитов и патриотов, др.

Эпоха реформ Александра II и расширение границ либерализма способствовали *сближению консервативной и либеральной традиции* в теоретическом плане, а в плане практическом это выразилось в создании совместных партийных и общественных организаций в начале XX в. Однако этот период совпал со временем распространения *социалистических идей*, утопических по своей природе, но тем более привлекательных для многих представителей русского общества, жаждущих модели нового града, который пришел бы на смену полицейскому государству в России. Таким образом *утверждение либеральной традиции* во второй половине XIX в. было поставлено под сомнение в силу нового увлечения многих мыслителей моделью социалистического государства, привлекавшей новой интерпретацией христианских ценностей свободы, равенства, братства и некоторых ценностей либерального толка (идеи прав человека, народного представительства, всеобщего избирательного права, др.). В результате *либеральная традиция* в определенной степени стала предтечей распространения радикальных идей, в частности *русского социализма* (понимаемого в основном как крестьянский социализм) и *русского марксизма* (понимаемого как пролетарский социализм). В результате подобные расколы пагубно отразились на формировании стабильного общественного мнения в обществе.

В § 3 «**Просветительский либерализм**» отмечается, что именно в недрах просветительского либерализма зарождались идеи права, прав человека, ставшие фундаментом будущих концепций правовых идеалов в XIX – начале XX в. Первыми просветителями можно по праву назвать Петра I и Екатерину II, именно благодаря усилиям которых был совершен *первый прорыв к праву*, созданы устойчивые предпосылки для движения к кодификации российского законодательства. Важнейшими проблемами, поднятыми просветительским движением второй половины XVIII в., были следующие: уровень степени свободы, соотношение свободы и собственности, различное понимание равенства (равенство естественного состояния, политическое равенство, имущественное равенство), приоритет экономической или политической свободы. *Вторым прорывом к праву* стало развитие идей прав человека, разработка концепций правовых идеалов русскими просветителями (С.Е. Десницкий, Д.И. Фонвизин, М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцов, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель).

В § 4 «**Консервативный либерализм**» утверждается, что если представители просветительского либерализма, работали, творили в основном индивидуально, то становление консервативного либерализма в 30 – 40-е гг. XIX в. знаменовалось появлением философских, политических кружков, салонов, собраний интеллигенции, в которых и вызревали будущие модели правовых, общественных, государственных идеалов. В этот период в российском либерализме произошло несколько расколов, обусловленных процессом самоопределения, формирования политико-правовой идеологии: на западников и славянофилов, на радикальное и умеренное направления. Заслугой умеренного направления либерализма этого времени стало создание положительного идеала – правового государства, т.е. конституционной монархии с комплексом демократических прав и свобод, который мог бы удовлетворить большую часть общества, учитывая предлагаемый мирный, законный путь преобразований. В это время можно говорить о формировании в обществе либерально-демократической оппозиции, неоднородной по своему составу. Это западники в лице реформаторов (братья Милютины), ученых-исследователей (К.Д. Кавелин), лидеров радикализма (А.И. Герцен), либералов-практиков (А.М. Унковский). Всех их объединила единая платформа, идеология реформ, проблема отмены крепостного рабства. Это обусловило слияние в их мировоззрении принципов либерализма и демократизма.

В § 5 «**Радикальный либерализм**» отмечается, что опыт европейских революций 1848 г. и Крымской войны (1853 – 1856) способствовал утверждению в общественном сознании преимуществ мирного, законного способа преобразования общества, предупреждения крайних форм правления – абсолютных монархий или революционных народных правительств, одинаково ведущих к деспотии. В целях полезности, целесообразности для благосостояния общества (либералы, демократы) или сохранения государственности России (консерваторы) путь реформ был признан единственным и обязательным для русского общества. В условиях реформирования в политической мысли появлялись новые интересы, обсуждались новые проблемы. Среди них – опыт конституционализма в Западной Европе (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин), сочетание традиционализма и модернизации (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин) в русской народной культуре, формирование правовой культуры в обществе.

Правительственный конституционализм во многом был вызван к жизни развитием дворянского и земского либерализма. Земская реформа 1864 г. выявила на местах, в провинции огромный неиспользуемый обществом потенциал. По оценкам современников, в 60-х гг. земские учреждения стали той силой, которую давно ждало общество. Если в 40–50-х гг. ведущую роль в формировании общественного сознания и мнения, политического воспитания общества играли журналы, то сейчас их по праву сменили земские учреждения. В силах земцев было воспитать мысль, обогатить ум не пустыми рассуждениями, а делом, изменить «общественное здание». Такова, например, логика активистов либерального органа 60–80-х гг. XIX в. «Вестника Европы». Благодаря деятельности этого журнала земское движение получило огласку и поддержку демократической части русского общества. Постоянные сводки, исторические хроники, земские обозрения в «Вестнике Европы» способствовали привлечению в земское движение передовых деятелей общественно-политической мысли и практики. Среди них – А.И. Васильчиков, П.А. Гейден, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, А.М. Унковский и др. В целом, отмечая значение земского либерализма в общественной мысли России второй половины XIX в., нужно обратить внимание на следующие обстоятельства: 1) благодаря земской реформе в местном самоуправлении смогли принять участие все социальные группы населения – от землевладельцев до крестьян; 2) процесс подготовки и проведения реформ, особенно земской, показал активность общества, готовность правящей элиты к реформизму; 3) деятельность земских учреждений стала школой политического воспитания и правовой культуры для демократической интеллигенции. Земская оппозиция правительству была свидетельством определенной зрелости русского общества, его способности противостоять верхушке центральной власти.

В пореформенный период в политической мысли России активно разрабатывались новые проблемы: тип конституции (дворянская или народная), форма государственности (конституционная монархия, «истинная монархия», республика), основа представительных учреждений (Земский собор как самобытная форма древней Руси или образцы западноевропейского парламентаризма). Наиболее распространенным в российской ментальности второй половины XIX в. из представленных вариантов государственного и общественного устройства были дворянская конституция, Земский собор. Программа конституционного и парламентского устройства России либералов-западников имела в политико-правовом отношении ряд приоритетов: в области прав – прежде всего требование свободы печати, свободы совести, личной свободы и неприкосновенности личности; свободное развитие и доступность народной школы как условие народного благосостояния и разрешение одной из проблем представительства (образовательного уровня депутатов); расширение полномочий местного самоуправления. В связи с цензурными ограничениями в пореформенный период либералы ставили проблемы свободы преподавания, свободы исследования социальных вопросов.

В ходе подготовки и осуществления реформ представители дворянского, земского либерализма, либеральная профессура поднимали вопрос о необходимости упразднения, отмены классовых привилегий, юридической равноправности сословий. С развитием местного самоуправления, в частности земств, на которые общественное мнение возлагало надежду политического оздоровления и возрождения

России, эти требования стали потребностью практики. Остро встала проблема правового регулирования взаимоотношений между сословиями, проблема равномерного распределения культурных и экономических сил и благ. В целом, проблема прав человека во второй половине XIX в. развивалась теоретиками либерализма, радикальной мысли в новых контекстах: правоспособность, правомочность, взаимосвязь личной и политической свободы, гарантии прав и свобод человека (конституция, суд, представительные учреждения).

Основой либеральной политической мысли конца XIX в. в России, опережающей, в целом, развитие общественного сознания, стало представление о правах человека как естественных, о принципах правового государства (разделении властей, конституционализме, парламентаризме) как важных и необходимых гарантиях прав личности. Радикальный либерализм, затронувший все сферы жизнедеятельности общества и государства, включал в себя несколько направлений: дворянский либерализм (как основа всех законов развития либерализма в России), земский либерализм (как первая попытка воплотить либеральные идеалы и ценности на практике, совместить их гуманистический характер с жесткой действительностью), правительственный конституционализм. Наряду с этими направлениями представителями радикального либерализма стала плеяда блестящих русских адвокатов, отстаивавших на судебных процессах ценность человеческой жизни, ненасилие, толерантность, неизвестное ранее российскому обществу право человека на судебную защиту, на достойное существование.

В § 6 «Демократический либерализм» в конце XIX – начале XX в. отмечается, что понимание прав человека, объема прав и свобод граждан, их гарантий стало предметом острой полемики не только между либералами, консерваторами и радикалами, но и внутри каждого соответствующего течения политической мысли. Широкий спектр оценок и взглядов объяснялся во многом тем, что происходило: 1) кристаллизация политических и правовых идей, движение мысли от разобщенности, «кружковщины» к формированию научных систем, школ научного мировоззрения; 2) более четкая ориентация их субъектов на определенные политические позиции; 3) диффузия самого либерализма. Неоднородность внутри либерального направления политической мысли была связана с различным социальным составом его представителей (либеральная интеллигенция, земские деятели), привносящих в идеологию либерализма новые идеи: аргументацию интересов своего класса, среды, сословия, новые приоритеты.

При общей тенденции к признанию минимума прав и свобод человека (гражданской свободы) в либеральном направлении средства достижения этого минимума в будущем России позволяют выделить сравнительно умеренное правое и левое течения. Среди правых были популярны идеи сохранения самодержавия, совещательного характера представительных учреждений, личной свободы (А.С. Алексеев, В.П. Безобразов, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Д.А. Шипов). Спектр интересов левого крыла либеральной политической мысли России конца XIX в. намного шире: их интересовала не только теоретическая разработка оптимальных, разумных вариантов будущего устройства России, но и активная деятельность на научном (М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев) и политическом (земцы – И.И. Петрункевич, Д.А. Шаховской) поприщах. Цель усилий левых – ограничение самодержавия, при

нуждение власти к признанию социальных вопросов и нужд общества под давлением общественного мнения, политическое и гражданское равноправие.

Среди наиболее интересных выводов, к которым пришла в этот период либеральная политическая мысль, нужно отметить следующее: 1) основа противоречий в правовой сфере российской государственности – отождествление закона и административного распоряжения, ведущее к правовому и государственному нигилизму (Алексеев); 2) причина стагнации в общественном развитии – смешение различных систем управления (эпохи Екатерины II и Александра II) (Безобразов); 3) конституционное устройство государства – как единственный и доступный для современной России путь к обеспечению гарантий гражданской свободы (Алексеев, Градовский); 4) истоки возрождения России – в самостоятельности и независимости органов местного самоуправления (Безобразов, земцы).

Почву для нового либерализма, его идеологическое обоснование подготовили: развитие конституционализма (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин), теории правового государства (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин), общего правопонимания (А.С. Алексеев, И.Е. Андреевский). Среди постулатов нового либерализма – ограничение верховной власти не только нравственными нормами (в традициях классического либерализма), но и нормами права. Для этого предполагалось определение сфер невмешательства государства в личную жизнь граждан, разграничение гражданских и естественных прав человека, приоритет правозаконности над сферой политики. Представители нового либерализма, в отличие от классического, видели гарантии прав не только в законности государственных действий, но и в механизмах правового регулирования и контроля общественного мнения за государственной властью. Среди важных правовых проблем, поставленных этим направлением политической мысли на рубеже веков – единство прав члена общества как человека, гражданина, подданного в рамках концепции «моральной автономии личности» (И. Кант). Идея единства прав отражала уровень леволиберальной интеллигенции, земцев-конституционалистов, акцентировавших внимание общественного мнения на взаимосвязи комплекса прав человека – гражданской, экономической, политической свободы. В связи с этим получили развитие новые проблемы политической и правовой науки. Среди них – юридическое обоснование прав человека, идея самоограничения государства правом (Градовский, Коркунов), правоспособность и правомочность, политическая свобода как гарантия личных прав граждан (Чичерин), понимание права как механизма регулирования противоречий в социальной сфере (Алексеев).

Перед Россией начала XX в. раскрывалась уникальная возможность: в кратчайший срок модернизировать государственный и политический строй. Кратковременность радикализации социально-политических отношений стала одновременно фактором и за, и против развития России по пути модернизации. Среди причин состояния политического цейтнота в России можно выделить: 1) настроения политического квиетизма – достаточности умеренных форм конституционализма, порожденных психологией приспособления правительственной бюрократии; 2) ограничение процесса социального и политического реформирования рамками исключительных законов и мер, репрессивных действий правительства; 3) ветхость всего механизма общественных отношений, невозможность радикального преодоления векового цикла европейской истории за считанные годы путем ускоренной

модернизации. Следствием этого явился сбой всей политической системы, ставший началом крушения самодержавного режима.

В этот период в России предпринималось несколько попыток разрешения универсальной формулы мировой правовой культуры – преодоление противоречий между степенью разработанности правовой идеи и степенью ее практической реализации. Для одних кризис правосознания стал мотивом реализации теории естественного права, для других – средством отстаивания своего правового и политического идеала. Это определило противоречивый характер борьбы идей в русской общественно-политической мысли: столкновение антиномичных ценностей, индивидуалистического и коллективистского стилей в культуре, традиционализма и новаций, формирующих эвристические направления политико-правовой мысли.

Стремление к правовому оформлению буржуазного конституционализма намного опережало процесс формирования элементов гражданского общества в России – самосознания народа, воспитания правовой культуры, общественного мнения как силы, относительного равновесия политических сил. Движение к правовому государству в России опровергло прогнозы российских мыслителей и их теоретических конструкций правового социализма, христианского социализма, конституционной монархии. Оно оказалось на практике движением за преодоление традиционных структур и вековых стереотипов в российском менталитете.

Рассматривая итоги развития процессов конституционализма и реформизма в России 1900-х годов, необходимо отметить: 1) основное противоречие в политической и общественной жизни этого периода – противостояние двух равнодействующих потоков: правотворчества, реабилитации права в думской деятельности, с одной стороны, и стихии революционного движения, с другой стороны; 2) среди особенностей взаимоотношений государства и общества следует назвать оппозиционность по отношению к власти всех политических партий и социальных групп. Исходным объединяющим началом антиправительственных настроений была неудовлетворенность населения своим бесправным положением. Это в какой-то мере было характерно для различных слоев населения – от крестьянина до дворянина; 3) провозглашенные Манифестом 1905 г. и «Основными Законами Российской империи» 1906 г. права и свободы граждан не были подкреплены гарантиями их судебной защиты и ответственности за правонарушения. Формальность и декларативность права, таким образом, стала тормозом в преодолении монархического правосознания и правового нигилизма; 4) кризис правосознания и общий конституционный кризис в России способствовали крушению либеральных и либерально-демократических проектов в политической мысли начала XX в., обращению их авторов к либеральному консерватизму, фундаментальным ценностям национальной культуры. Одновременно с этим шел процесс отторжения правовых идей (прав человека, правового государства) как универсалий культуры в монархической среде в силу устоявшихся патриархальных стереотипов. Отношение к праву в политической мысли России того периода было противоречивым – от понимания права как фундаментальной ценности, социального регулятора, способа объединения оппозиционных сил на основе общедемократических прав и свобод человека (в либеральной мысли) до трактовки его как средства для пропаганды своего политического идеала, политики раздора, насилия и принуждения (социал-демократы).

Манифест 17 октября 1905 г., «Основные государственные Законы Российской империи 1906 г.», расцениваемые в российском обществе как конституционные акты, не были подкреплены на практике гарантиями (политическими, экономическими, юридическими). Это способствовало утрате правосознанием тех новых ценностных характеристик, которые развивала в общественном сознании либеральная политическая мысль 80-х гг. XIX – начала XX вв.: политическая свобода как основа личной свободы; взаимосвязь политической, экономической и личной свободы; собственность как основа личной свободы; принципы правового государства как гарант прав и свобод человека; гуманное отношение к личности как стержень политики любого государства.

В главе IV «Становление идеальных и прагматических вариантов правового идеала в первой половине XIX в. в России» рассматриваются особенности формирования в России конституционных идей, различия в толковании конституции в западной и русской традиции, формирование моделей правовых идеалов М.М. Сперанского и К.Д. Кавелина.

В § 1 «М.М. Сперанский: от конституционализма александровской эпохи до кодификации русского законодательства в эпоху Николая I» утверждается, что основателем консервативного либерализма – как одного из самых распространенных течений в русской мысли XIX – начала XX в. – можно по праву назвать основателя правительственного конституционализма в России, М.М. Сперанского. Реформаторские замыслы М.М. Сперанского как политического деятеля и идеолога реформ предполагали: 1) политическое развитие как результат становления государственных институтов (парламента, министерств, местного самоуправления) и воспитания граждан; 2) политическую, экономическую модернизацию Российской империи, переход от традиционного общества к обществу, в котором уже формируются предпосылки для политического и социально-экономического подъема, формируется политическая элита, способная провести модернизацию, и получили признание идеи о необходимости реформ в обществе и государстве; 3) обоснование естественности для России как европейской державы органичной модернизации и необходимости сочетания традиционной и либеральной элит как основных типов модернизационных элит в России; основной силой модернизации Сперанский считал просвещенную русскую бюрократию, которую еще предстояло сформировать в России; 4) совершенствование законодательства в контексте западноевропейских и американских кодексов и деклараций о правах человека и гражданина (реформа суда, создание выборных дум на всех уровнях, разделение властей, создание Государственного совета); 5) теоретическое обоснование и формирование правовой политики российского правительства в противовес традиционной антиправовой политике, для которой было характерно отождествление права и закона, права и политики; 6) переход от конфронтации традиционной и либеральной элит к их согласию в обществе. К сожалению, не все из замыслов и проектов М.М. Сперанского были реализованы, а те из них, которые состоялись, заняли не четверть века, как предполагал автор, а целое столетие.

В своих проектах М.М. Сперанский разрабатывал новую идеологию и политику российского правительства, новую модель государства, опираясь на опыт западноевропейских конституционных монархий; модель, направленную на создание ста

бильного, сильного государства, целью которого является благосостояние его граждан, справедливого порядка. Такая политика предполагала прежде всего экономические преобразования, проведение которых спровоцировало мощную оппозицию Сперанскому в среде дворянства и чиновничества. Среди этих реформ 1809 г.: закрепление определенных привилегий за государственными служащими и снятие их с дворянства, прекращение выпуска бумажных ассигнаций с целью поднять ценность рубля, увеличение размеров податей и пошлин, установление налогов для дворянства. Реформаторские проекты и преобразования М.М. Сперанского способствовали формированию новой для России правовой политики, которая только и могла стать выходом из нарастающих противоречий после многих неудачных попыток самодержавия сделать это. Принципиально новым для российской политики было предложение Сперанского об утверждении одного из ведущих принципов буржуазного конституционализма – ответственности исполнительной власти перед властью законодательной как обоснование ограничения самодержавия.

Учитывая готовность российского общества и государства к подобным радикальным реформам, М.М. Сперанский предлагал политику постепенного, поэтапного «вхождения» в новый буржуазный порядок: 1) учреждение Государственного совета для обсуждения Гражданского Уложения; 2) судебная реформа; 3) созыв депутатов всех состояний (т.е. формирование Государственной думы) для обсуждения Гражданского Уложения; 4) принятие Государственной думой конституции, реформы судопроизводства и нового положения Сената. Реформа судопроизводства Сперанского предполагала коренное изменение всей судебной системы Российской империи, неэффективность которой порождала взяточничество и беспредел чиновников.

М.М. Сперанским впервые в политико-правовой литературе были даны четкие разграничения, определения основных понятий западноевропейских политической и юридической наук. Читая их, чувствуется ясность ума и четкость стиля автора, что и ценилось прежде всего среди множества косноязычных чиновников того времени. Это ценилось, но в то же время и тревожило не обладающих этим талантом (в том числе и императорских особ). В этом смысле во многом близки судьбы *А.С. Пушкина* и *М.М. Сперанского*, как светил, гениев блага («гений блага») – так называл Пушкин Сперанского, в то время как Аракчеева «гением зла»), светил, погасших под давлением массы, которую тяготило просвещение, и устраивало нынешнее положение дел. Дуэль Пушкина и опала Сперанского как способы отстранения и устранения гениев-творцов от исторического и политического процессов – сам по себе шаг губительный для истории, отбрасывающий ее назад, фактор регрессивного развития России, коих было немало в ее истории. Так, идеи Сперанского были востребованы (а значит могли способствовать историческому прогрессу), лишь в 1821 г., т.е. через девять лет после опалы, когда он становится членом Государственного совета. Творчество Пушкина тоже начинает цениться по достоинству только через определенный поколенческий порог – 10, 20, 30 лет. Здесь, как мы считаем, имеет смысл поставить вопрос о феномене поколенческого порога, *многотлетнего преодоления (освоения, понимания) идей современности*, который во многом связан, как мы думаем, с повышенным эмоциональным фоном, ведущим его влиянием в России на политическую и общественную жизнь общества. Это обусловлено, по нашему мнению, такими особенностями российского менталитета,

как: 1) приоритет коллективным мнениям, обращениям, петициям, а не индивидуальным выступлениям; 2) давление народного духа над духом индивидуальным, ибо народный дух подобно природе воспринимался как единое целое (а все особенности менталитета обусловлены прежде всего природными факторами и православными святынями), единство пространства (мощного исконно русского – реки, степи, поля, моря и т.д.) и времени (человеческой жизни или природы и четкого с ним назначения); 3) общность Божьего дара, а не уникальности человеческого существования, др. Решение многих проблем в истории Российской империи, Советской империи и России сегодня также во многом зависит от эмоционального фона взаимоотношений власти и подвластных, внутри самой власти в соответствии с традиционным приоритетом в России патриархальной культуры, а не культуры участия.

Концепция правового идеала М.М. Сперанского была основана на патриархальной концепции происхождения государства в соответствии с исторической школой права, хотя в ней были и существенные элементы естественно-правовой доктрины. Это сочетание было вызвано желанием Сперанского постепенно реформировать государственное и общественно-политическое устройство России без появления опасений у правительства в революционности преобразований. Мирные, постепенные реформы при сохранении сильной власти, решение политических конфликтов путем согласия, а не конфронтации классовых интересов – эта основная идея консервативного либерализма М.М. Сперанского предшествовала формированию концепции классического либерализма Б.Н. Чичерина. Ее классический характер предусматривал в определенной степени сочетание либеральных, консервативных и радикальных мер. Чичерин в этом смысле продолжал развивать идеи Сперанского о синтезе полярных политических мер, их гармоничном соотношении, о смешанной форме правления.

Основными системообразующими элементами правового идеала М.М. Сперанского стали: 1) отношение к конституции; 2) отношение к правам человека и гражданина, их гарантиям; 3) характер и темп политико-правовых реформ; 4) отношение к свободе, преступлению и наказанию, правде и справедливости; 5) соотношение исторических особенностей российского государства, отечественного менталитета и опыта европейских преобразований.

Характер и темп реформ, по мнению Сперанского, должны определять постепенность, развитие свободных прогрессивных идей, преемственность поколений в плане использования лучших средств, методов предшествующих правителей, а главное четкость и взаимосвязь правительственных программ. Так как до сих пор, по его мнению, до эпохи Александра I история России представляла собой «беспрерывное колебание правительства от одного плана к другому». И, действительно, мы видим до александровской эпохи увлечения правительства то немецкими, то французскими политическими идеями, и в то же время отсутствие масштабной идеологической программы преобразований с учетом российских особенностей. Александром I впервые была составлена такая программа, включавшая учебную, правительственную, законодательную реформы и подготовку конституции. Ведущим фактором успешного развития реформ Сперанский справедливо считал просвещение, отмечая важную закономерность: чем просвещеннее народ и правительство, тем менее есть «тайнств политических» в обществе. Наряду с этим он отдавал

дань стабильности политического режима, считая: когда народ привыкнет к единообразному правлению, будет уверен в нем, тогда и возможно формирование общественного мнения как основы закона и свободы. Сперанский прав, действительно, постоянные колебания режима, дворцовые интриги не могли создать в России даже ощущения стабильности. В этой постоянной исторической нестабильности и заключается трагедия России, не способной к быстрому самовозрождению после исторических катастроф из-за отсутствия постоянных политических сил, сильного общественного мнения.

Деятельность М.М. Сперанского по систематизации российского законодательства стала *третьим прорывом к праву* в политической теории и практике России. Среди основных противоречий и трудностей российского законодательства, которые необходимо было преодолеть и с этой целью приспособить систему римского законодательства к отечественным реалиям, М.М. Сперанский отмечал: 1) *трудности в порядке суда и управления*, так как в силу недостаточности законов издавались отдельные именные указы, боярские приговоры. В результате нередким явлением были многосложность, раздробленность, пристрастные решения, неправые толки; из 35 000 актов, составляющих российское законодательство, на момент составления «Свода законов» половина уже принадлежит истории, так как они либо отменены, либо повторяются, либо ограничены. Свод и должен был очистить законодательство от этой смеси; 2) *трудности в законоведении* как практическом, так и ученом; 3) *трудности в усовершенствовании законов* из-за отсутствия достаточного количества профессиональных юристов, преподавателей правоведения в России. «Свод законов Российской империи» как «сборник действующих законов» и как «основание правовой теории» (В.А. Томсинов) должен был разрешить все эти трудности и противоречия.

М.М. Сперанский, по нашему мнению, одним из первых в политико-правовой мысли России четко сформулировал сущность правового идеала, включавшего в себя мощный прорыв к праву по всем направлениям: юридическое образование, систематизация законодательства, подготовка юридической элиты, способной преподавать в университетах и создавать законы. К сожалению, со смертью М.М. Сперанского прервалась традиция всесторонней подготовки студентов-юристов, созданная им в 40-е гг. XIX в., не осуществились его мечты о создании юридической академии. Однако, именно благодаря деятельности М.М. Сперанского, русская политико-правовая наука начала свое становление в лице его учеников К.А. Неволлина, П.Г. Редкина. В частности, лекции по философии права П.Г. Редкина сформировали мировоззрение классика либерализма в России – Б.Н. Чичерина, открывшего в отечественной мысли новую страницу – русскую либеральную традицию.

В § 2 «Нравственно-правовой идеал К.Д. Кавелина» отмечается, что в целом западники, к которым наряду с К.Д. Кавелиным принадлежали Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев, П.Я. Чаадаев, Б.Н. Чичерин и другие, стали в российской политической мысли проводниками идей европейского Просвещения, создателями правовой идеологии русского либерализма.

Размышляя о *причинах нашей бедности*, Кавелин видел их источник в неэффективной политике российского правительства, объясняя эту неэффективность в проекте освобождения крестьян (1855) следующими составляющими: ошибочная

система управления; отсутствие строгого правосудия; целый кодекс стеснений для промышленности и торговли, отсутствие правильного кредита; гибельное начало хозяйственного управления в обществе; глубокое невежество всех классов народа, в том числе и высших; крепостное право. Главным свидетельством неэффективной политики, показателем кризиса политики правительства России, являлось то, что от главного порока российского общества – крепостного права – в России, как отмечал Кавелин, страдает 25,5 млн. жителей мужского и женского пола, при населении 56,3 млн. человек (без Финляндии, Царства Польского и Закавказского края).

В пореформенный период развития страны он видел среди политических проблем, препятствующих переустройству и обновлению России, следующие, нуждающиеся в оперативном разрешении: низкий культурный уровень народа; отсутствие социокультурных связей и четкого стратифицированного общества, разобщение как самих сословий, так и внутри них; разочарование в дворянстве как потенциальной силе движения к прогрессу; увлечение интеллигенции утопическими проектами, отсутствие критического настроя по отношению к западноевропейским теориям (социализм, позитивизм) и русскому народу (что пришло на смену «квасному патриотизму» и вере в медвежью силу русского народа в 40-х г. XIX в.); нравственная пустота интеллигенции. В то же время перспективы обновления страны он связывал именно с интеллигенцией как главной политической силой России, усилия которой по осмыслению и формулированию *«русского национального интереса»* и просвещения народа, должны были объединиться с обязанностями государства создавать необходимый социально-экономический и правовой фундамент для *«продвижения к общечеловеческим ценностям»*. В этой модели *«мужичьего царства»* интеллигенция выступала как духовная сила, связующее звено между государством и народом.

Идеи К.Д. Кавелина отличал интерес к личности как необходимому условию всякой духовной культуры, что было традиционным для либерально-западнического контекста в понимании прогресса как процесса раскрепощения личности во всех сферах ее жизнедеятельности. Среди основных идей социально-политической концепции консервативного либерализма Кавелина, развивающего теорию правового прогресса, необходимо отметить следующие: 1) *в основе прогресса лежит начало личности*, что отражало кредо классического (консервативного) либерализма 50 – 70-х гг. XIX в.; 2) *личная собственность является фундаментом любого движения, развития общества*; 3) *образцом правового статуса личности является отношение к личности в Европе как к основанию общественного быта и права, признание священности личной свободы*; 4) в то же время в России есть необходимость уравнивания личной собственности общинным землевладением, ибо общинное владение оградит низшие слои общества от монополии частной собственности.

Разграничивая пути развития России и Западной Европы, Кавелин считал, что конституционные теории на Западе создавались в пользу *поземельной, родовой и денежной* аристократии как сложившегося сильного класса, способного представлять интересы и защищать государственные интересы в конституционных учреждениях, и стремившегося завладеть верховной властью. В то же время, как мы видим, в России исторически не сложилось такого необходимого для прогрессивного развития страны класса, ибо российская политика была направлена на создание в обще-

стве и государстве совершенно противоположных полюсов, противостоящих друг другу сословий – дворянства и крестьянства, постоянно развивающийся в истории конфликт которых должен был привести к кровавой развязке, что и произошло в 1917 г.

В 80-е гг. XIX в. К. Д. Кавелин отмечал как важную тенденцию современности пошатнувшуюся веру в идеалы и в необходимость стремления к ним. В то время как, по его мнению, это стремление является естественной потребностью человека, основанной на иррациональных началах. Идеал Кавелина таким образом являлся направляющим фактором и носил деятельностный характер, т.е. выступал как основная мотивация деятельности, его можно рассматривать как посредник между мыслью и деятельностью, камертон деятельности. В этом отношении идеал и цель являются синонимами, их отличает лишь отдаленность и обширность идеала, близость и практичность цели. Любой идеал, по его мнению, должен отвечать следующим требованиям: не может быть идеалом то, что гнетет и давит; идеал должен быть согласован с действительными условиями конкретного общества и его историческими особенностями; идеал не является желанием, принципом, общим началом, целью; нельзя искать идеалы в сфере внешней деятельности человека; идеал можно найти только в собственном психологическом строе или складе. Здесь, как мы видим, он объясняет обусловленность идеала ментальностью, на почве которой только и может формироваться тот или иной идеал.

К. Д. Кавелин отмечал *склонность именно русских смешивать идеи с идеалами, принимать идеи за идеалы*. И, действительно, мы можем проследить в истории русской политической мысли процесс такого смешения, когда довольно часто идея, в том числе утопическая, выдавалась за готовый образец, которому надо следовать, за направление трансформации общества и государства, которая часто оборачивалась слепым подражанием, автоматическим перенесением на российскую почву западноевропейских моделей и образчиков.

Среди многообразия идеалов К. Д. Кавелин выделял субъективные и объективные идеалы, при этом первые предполагали изменение сознательных мотивов деятельности, а вторые – изменение условий и обстановки человеческого существования. Слабым местом тех и других было то, что и те и другие идеалы не давали мерила для определения сравнительного достоинства гражданских и политических порядков. Для России XIX – начала XX в., по нашему мнению, было традиционным преобладание субъективных, то есть, нравственных, этических идеалов, зывающих к совести и долгу человека, предполагающих стремление к истине (научной или теоретической), правде (выраженной в законе, суде, управлении) и душевной красоте (действительных явлений и художественных произведений). Однако этические, нравственные идеалы могут принимать совершенно противоположную поляризацию, а их сторонники соответственно проповедовать, например, смирение и покорность как раболепство и унижение, или как веру и надежду. То есть идеал может внести с собой в сознание людей либо миф, образ светлого и чистого человека, либо человека, погрязшего в грехах и невежестве. Подобные идеалы формировались в России XIX – начала XX в. во всех интеллектуальных средах: литературной, научной, общественной. Из-за всевозможной поляризации, огромного расслоения обще-

ства многообразие субъективных идеалов, проповедуемых в России, и вместе с тем отсутствие объективных идеалов стало трагедией для народа.

Утверждая неизбежность пути реформ сверху вниз, Кавелин объясняет эту тенденцию тем, что потребность в новом, заимствованном идеале всегда ощущают высшие слои общества. История России в этом контексте представляется Кавелину как политическое пространство с двумя полюсами (отечественным и европейским идеалами, доктринами), постоянная борьба которых вновь и вновь приводила в очередные этапы развития страны к усилению государственного единства и центральной власти. Таким образом он правомерно обосновывает, по нашему мнению, формирование авторитарных тенденций как естественную реакцию на социально-политические, экономические нововведения, грозящие расколом общества, децентрализацией государства. Политика российского правительства способствовала утверждению сильного государства, сильной общины, что препятствовало формированию индивидуального начала, влекло за собой отрицание личного права, отдаляло русское общество от правового идеала европейской общественности, основой которой была личная свобода и частная собственность.

Отказываясь от сугубо отрицательных оценок русской истории, Кавелин утверждал, что русское общество успело выработать зачатки гражданского общежития, сбросить историческую форму безличности. Перспективы прогрессивного развития страны он связывал с успешным проведением реформ Александра II, которые должны были сформировать здоровые силы общества на уровне народного представительства, местного управления и самоуправления. Прогнозируя следующий взлет российской истории, связанный с утверждением личной свободы как основы нравственно-правового идеала, Кавелин отмечал: «Европе готовится сюрприз – видеть в мнимых ордах – способное к развитию спокойное племя».

Нравственно-правовой идеал К.Д. Кавелина стал, по нашему мнению, предтечей формирования государственно-правового идеала классика русского либерализма *Б.Н. Чичерина* и нравственно-правового идеала основателя школы «возрожденного естественного права» *П.И. Новгородцева*. Этот идеал К.Д. Кавелина, по нашему мнению, может быть сформулирован в следующих прогрессивных его идеях: 1) утверждение *естественных неотчуждаемых прав человека* как аргумента против любых ограничений прав человека в России, формирование и укрепление их гарантий в виде сильного государства, необходимыми элементами которого являются: разделение властей, согласие всех политических сил общества, разумная политика сочетания российской самобытности и европейского опыта правовых, социально-экономических и других преобразований; 2) преодоление традиционного для российского менталитета сужения предмета права из-за приоритета позитивистских воззрений; 3) создание условий для развития *нравственно развитой личности* (являвшейся основанием европейской общественности) – в виде правильно (с правовой точки зрения) *организованного общежития*, поддержания *правопорядка*. Ибо личность формируется не под влиянием абстрактных нравственных идей, а в конкретном человеческом «общежитии», в условиях обеспеченного правопорядка. Таким образом заслуга К.Д. Кавелина заключается прежде всего в формировании основного компонента правовой идеологии русского либерализма, правового идеала – нравственно развитой личности, условием существования которой является личная свобода.

В главе V «Классическая конструкция государственно-правового идеала Б.Н. Чичерина» рассматриваются особенности правового идеала консервативного либерализма в контексте интеллектуальной биографии Б.Н. Чичерина. *Различая три направления либерализма в России (и впервые давая в русской мысли типологию либерализма – «уличный», оппозиционный, охранительный)* и аргументируя свою приверженность охранительному либерализму, Чичерин критиковал «уличных» и оппозиционных либералов, стремившихся лишь к самому факту провозглашения прав человека. Будучи западником, основателем классического либерализма в России, Чичерин создавал концепции правового государства, гражданского общества, используя интеллектуальное наследие мировой политико-правовой мысли России, опираясь на принципы историзма и системности в построении своих теорий. Так, исследуя политических мыслителей древности и нового мира, Чичерин начинал отсчет самостоятельного развития политического мышления с *изучения софистов*, провозгласивших в качестве идеала будущих либералов – человека как мерило всех вещей.

Принцип построения государственно-правового идеала Чичерин заимствовал у Аристотеля, Монтескье, выстраивая модель смешанного правления, выступая с идеями привлечения общественных элементов в органы законодательной власти, формирования среднего класса – аристократии, т.е. идеями, которые становятся популярными в 60 – 80-е гг. XIX в. (вспомним, например, идеи А.Д. Градовского, конституционный проект М.Т. Лорис-Меликова, др.). Свобода и право в правовом идеале Чичерина тесно взаимосвязаны и предполагают взаимное параллельное развитие. Поэтому нельзя установить правопорядок, а потом даровать свободы – это одни ступени, требующие одновременного провозглашения и свободы, и правопорядка. Этим Чичерин отвечал на многолетние дискуссии в русской политической мысли XVIII – XIX в. о первоочередности дарования свободы или установления правопорядка.

Гражданский порядок, основанный на частном праве, считал Чичерин, должен всегда оставаться свободным от поглощения государством; так как поглощение государственных или гражданских начал является односторонним подходом. Именно таким односторонним подходом является *социализм*, несостоятельность которого заложена в его ведущем принципе – поглощении частных начал государственными. В то время как целью развития человеческого общества должно быть полное раскрытие идеи права, предполагающее приоритет личной свободе, частному праву, субъективным правам.

Обращаясь к сущности теории народного представительства в своей докторской диссертации «О народном представительстве» (1866), Чичерин отмечал, что если начала представительной теории более или менее признаются всеми, то условия такого порядка пока не выяснены, так как продолжается «вечный спор между аристократией и демократией». Как новую тенденцию в развитии политической мысли Чичерин отмечал стремление к реализму, переход от теории к жизни, что нашло выражение в исследовании общественных сил, которые могли бы стать основой нового «политического здания». Среди таких сил называли и местное самоуправление, и личные права, но эти позиции, по мнению Чичерина, были ошибочны и неосновательны. Изучая исследования Северной Америки Токвилем и Англии Гней-

стом, Чичерин отмечал, что свобода, несомненно, является высшим идеалом и для России. Однако *к идеалу свободы можно относиться как к правилу, образцу для подражания, а можно и как к одному из вариантов развития*. Сторонником второго подхода и был Чичерин, считавший, что «русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее неперенным условием всякого гражданского развития», *ибо мы не можем отречься от своего прошлого*, которое свидетельствует о совместимости самодержавия, гражданственности и просвещения. Таким образом правовой идеал Чичерина предполагал совмещение консервативных и либеральных начал.

Рассуждая о возможности введения представительного устройства в России, Чичерин делал вывод о том, что она определяется политическим развитием промышленных классов, внутренним объединением общества, его политической зрелостью, о которой свидетельствует общественное мнение, являющееся «главным двигателем государственной жизни в представительном порядке». Однако, отмечал Чичерин, не всякое случайное мнение общества является общественным мнением, а лишь то, которое не просто указывает на недостатки и одобряет действия властей, то, которое разумно задает направление, идеи, которые двигают и развивают общество. России, считал Чичерин, еще необходимо формировать общественное мнение и пути этого могут быть следующие: формирование прочной системы политического и правового образования, создание политической науки и литературы, демократизация мысли, приобщение граждан к соучастию в управлении общественными делами, подготовка народного представительства. Однако Чичерин не имел здесь ввиду независимое общественное мнение, считая, что общественное мнение необходимо направлять и это может сделать только правительство.

Отмечая обязательное и естественное наличие двух элементов в каждом обществе — охранительных и прогрессивных, Чичерин видел *смысл истории* не в их противостоянии, не в окончательном выборе того или иного, а в естественной борьбе двух этих элементов с целью «охранять, улучшая». Охранительные элементы, по мнению Чичерина, должны наряду со свободными быть *основой всякого общественного бытия*. И среди них он называл: власть и закон в политической области, семейство, право собственности — в гражданской, религия — в нравственной. За объединение таких элементов со свободными выступал разумный консерватизм, сторонником которого и являлся Чичерин. Однако, считал Чичерин, разумными консерваторами могут стать и здравые либералы (именно такой путь прошел сам Чичерин), ибо их позиции более близки, нежели позиции крайних партий — реакционной (как крайности консерватизма) и радикальной (как крайности либерализма). Тем самым он считал возможным сближение консерваторов и либералов на основе разумного соединения охранительных и свободных элементов. Но более суровым являлся, по его мнению, деспотизм отнюдь не реакционеров, а радикалов, ибо он предполагал обращение к слепым страстям народных масс, неразборчивости средств, преданности односторонней нетерпимой идее, ради которой приносятся в жертву колоссальная волевая энергия, отсутствующая у либералов. Так, отмечал Чичерин, «радикализм, когда приобретает господство, является всесокрушающей силой, перед которой падают все преграды». При нормальном ходе вещей в обществе, как считал Чичерин, борьба идет между прогрессивной и либеральной пар-

тиями, которые способны к достижению компромисса и созданию коалиции, в то время как радикальная партия является «орудием раздора», что действительно, как мы видим, подтвердилось в российских революциях 1905 – 1907 гг., 1917 г.

Создавая государственно-правовой идеал смешанной, «истинной» монархии, Чичерин и в самой монархии, и во всех ее институтах считал необходимым обязательное сочетание аристократического, демократического, монархического начал, что в истории мировой мысли достаточно последовательно развивал, как мы знаем, Монтескье. Обращаясь к идеалу Просвещения, Чичерин пытался решить ставшую традиционной со времен Великой французской революции дилемму о приоритете равенства или свободы, собственности или свободы, собственности или равенства. Эту проблему он решал в пользу двух ценностей – собственности и свободы в противовес равенству бесправия. Путь к свободе, считал Чичерин, возможен только благодаря *аристократическому элементу*, который имея достаточно средств и образования, может позволить себе свободу как дорогое удовольствие. Так как только высшие классы способны выработать в себе сознание права и прилагать это сознание к своей политической деятельности. Тем самым он проводил принцип избранности свободы по способности, а не общедоступности свободы. Поэтому будущее России Чичерин связывал с перспективами аристократии, которая сможет, став свободной, сначала сама, через свою политическую деятельность сделать свободу нормой, доступной многим.

Проводя *идею живого союза правительства с обществом* в форме органа совокупной деятельности всех государственных сил – народного представительства, в то же время он предостерегал от восприятия этого института как лекарства от всех зол, ибо в это время действительно общество металось в поисках рецептов, панацен. Такое, по нашему мнению, трепетное и нервное ожидание общества в конце XIX в., неудовлетворенного нерешительными и противоречивыми действиями правительства создавало атмосферу, в которой достаточно было «спички», факела надежды, чтобы ради нее был перевернут мир. Таким факелом стали вечные христианские ценности равенства, свободы, братства, заимствованные утопическими учениями в XVI в. еще со времен Т. Мора и поднятые на знамени большевиков.

Само понятие *«идеал»* предполагало у Чичерина либо *плод творческих усилий*, воображения мыслителя (в силу недостатка научных оснований), либо *«результат разумного знания»*, научных исследований, совокупность научных оснований. К первым – плодам воображения – он относил, как сам писал, «дикие социалистические идеалы, которые господствуют в настоящее время среди невежественных масс и недоучившегося юношества, подстрекаемого шарлатанами». Так как их идеалы не имеют ничего общего с действительностью, то поэтому их создатели и требуют разрушения существующего строя. Рассматривая мировую историю формирования, судьбы различных идеалов, Чичерин отмечал, что во всяком развивающемся обществе есть свои идеалы. По степени распространенности и уровню развития идеалов, как считал Чичерин, можно судить об умственном и нравственном развитии общества. *Максимальное приближение к общечеловеческому идеалу* позволяет и способствует стать народному духу историческим деятелем. В этом приближении ближе всех к общечеловеческому находился христианский идеал. Однако, по мнению Чичерина, он являлся только нравственным, личным, в то время

как более широким является общественный идеал, в котором к влиянию нравственных начал присоединяются юридические начала (принудительное и обязательное устройство общества), умственное образование и экономическое преуспевание.

Истинное создание идеалов может быть результатом разумного знания, так как по мнению Чичерина «идеалом общественного развития может быть только разумное устройство общежития». *Идеалом*, по его мнению, может быть лишь *свобода лица*, так как высокий уровень и широкий ее характер свидетельствует о высшем развитии личности, общества и государства. Среди приоритетных личных прав и свобод он называл: 1) признание неприкосновенности лица в физическом и духовном смыслах; 2) свободу совести как основу человеческого достоинства; 3) право союзов; 4) право защиты чести; 5) право действовать по своему усмотрению, «власть располагать собою», не нарушая чужого права и общих постановлений; 6) право распоряжаться своей собственностью. Рассуждая о личных правах человека, Чичерин не ограничивался одним четким определением «декларации прав и свобод», а что ценно, утверждал: свобода человека есть самоопределение, для которого требованием или предписанием является закон, оставляя тем самым выбор для человека. Самоопределение само по себе тоже есть выбор свободы зла и свободы добра в зависимости от мотивации, условий и т.д.

Одним из аспектов *правового идеала* Чичерина выступало отличие общества от государства, существование гражданского общества, которое ограждает личность от поглощения ее самой, ее свободы и прав – от государства. Этот аспект разграничивает принципа жизнедеятельности двух сфер: у гражданского общества – это индивидуализм, у государства – это централизм. Завершающим аспектом *правового идеала* является гармоничное сочетание в будущем государстве трех элементов – монархического, аристократического и демократии – и создания *смешанного правления*, что выражается прежде всего в разделении властей: палата демократическая, палата аристократическая в парламенте, и представительство интересов всех в лице монарха, широкое самоуправление союзов гражданского общества.

В главе VI «Варианты и модели правового идеала в русском либерализме второй половины XIX – начала XX в.» исследуются особенности моделирования правового идеала А.Д. Градовского, нравственно-правового идеала П.И. Новгородцева, государственно-правового идеала М.М. Ковалевского.

В § 1 «Правовой идеал А.Д. Градовского» рассматривается дискуссия о сути идеалов русского народа А.Д. Градовского и Ф.М. Достоевского, в процессе которой А.Д. Градовский утверждал: 1) идеал не должен отождествляться с *определенной теорией, принципом или законченной формулой*; 2) не нужно стремиться предоставить людям в идеале *проект совершенного устройства*; 3) идеал следует рассматривать как *«определенное настроение наших нравственных сил»*, и соответственно для реализации идеала необходимо: а) создавать такое настроение, поддерживать преемственность поколений, так как именно ее отсутствие, разрыв между поколениями стал источником для увлечения интеллигенции социализмом, который Градовский именует не иначе как «общественный недуг»; б) формировать общественное мнение, способное влиять на государственный аппарат, на политические процессы в России; в) дать возможность подданным Российской империи активно участвовать во всех проявлениях жизни вплоть до политического участия.

И Градовский в этом был несомненно прав, ибо (особенно во II половине XIX в.) отвлеченное от практики теоретизирование молодежи рождало *иллюзии самодостаточности нигилизма* (государственного, правового, нравственного) и оставляло незамеченным фактор пригодности теории, средств и методов ее практической реализации, пригодности самих теоретиков для конкретного общества и государства. Отсутствие данного фактора в теоретических построениях политической мысли XIX в., когда само проявление инакомыслия воспринималось как подвиг, вело к распространению совершенно «полярных» типажей от фанатов, открытых миру, но не понимающих мир, до «среднего», «маленького» человека, и, наконец, ушедших в себя, мистику, религию и т.д. «мертвых душ», др. Молодая душа в России, как отмечал Градовский, живет без «культурных одежд», и общество в России должно стать способным помочь молодежи обрести себя и универсальные «культурные одежды» – веру в собственную пригодность, положительные идеалы, ибо пора бы объявиться поколению, которое бы начало в России настоящее дело, так как «история не ждет опоздавших» и другие народы нас ждать не будут.

Критикуя Достоевского, Градовский выступал сторонником не национального, народного, а *универсального общечеловеческого идеала*. Проблема русского народа, как видел ее Градовский, заключалась в *неотрегулированности взаимоотношения двух элементов – индивидуального и всеобщего*. В духовной истории русского народа мы видим преобладание то одного, то другого элементов. В то время как необходимо гармоничное их сочетание и сознание своих особенностей для сохранения себя как личности, творческой силы (*индивидуальный элемент*) и усвоения всечеловеческого потенциала для осуществления своей всемирно-исторической роли (*всеобщий элемент*). Поэтому в России сегодня нужна не гонка за самобытностью, а здоровое национальное движение. Несомненно, *универсализм Градовского* актуален и для современной России и здесь есть рациональное зерно – в необходимости гармонического сочетания индивидуального и всеобщего элементов.

Причисляя себя к русским либералам, *Градовский называл либерализм «единственным перспективным направлением русской политической мысли»*, противопоставляя его *абсолютизму и гвернаментализму*, т.е. правительственной опеке. Именно либерализм является в России одной из достойных форм служения государю и России, так как, отмечал Градовский, либеральная партия долгое время была не оппозиционной, а правительственной партией, возникшей еще во время реформ Александра II. А Градовский и связывал идею реформ, поступательного движения прежде всего с идеей царя, веря в историческое призвание царской власти в России.

Ведущей проблемой политико-правовой концепции А.Д. Градовского явилось соотношение общества и государства, их изменения в ходе исторического процесса. А.Д. Градовский рассматривал *государство не только как юридическое*, но и как *культурное явление*, связанное не только с интересами права, но и с интересами других сфер – промышленности, просвещения, народного здоровья, продовольствия, благотворительности, др. Он не принимал традиционного противопоставления личности и государства, общества и государства, так как в этом случае государство неверно отождествляется с правительством. Но в *государство, как в политическое общество входит и совокупность личностей*. Как и личность, оно не является замкнутым явлением, оно живет политическими интересами. Так государственные

интересы реализуются через принудительную деятельность государства, а частные – через частную, свободную предприимчивость. Среди *целей государства*, для реализации которых возможна его принудительная деятельность он называл: 1) охранение приобретенных прав, внешней и внутренней безопасности; 2) содействие дальнейшим успехам народной жизни путем улучшения ее условий; 3) положительное осуществление общественных целей, инициатива для общественного прогресса. Тем самым *суть государственной организации* – в подчинении известной народности, облеченной правами «законодательства, суда и управления для осуществления» тех целей общежития, которые нуждаются в содействии принудительной власти.

Подлинной задачей современной науки Градовский считал создание теории национально-прогрессивного государства и отказ от традиционного противопоставления идей порядка и прогресса. Здесь он устанавливал взаимообусловленность развития общества и государства, отмечая, что все прогрессивные элементы вырабатываются только в обществе. Концентрируя в связи с этим все внимание на развитии общества, Градовский связывал успех общих идей с достаточностью или нет для общества *политического воспитания*, которое дается участием в различных отправлениях государственной жизни. Поэтому насущным для России он считал исследование опыта *политического образования и воспитания* других народов, политической жизни народов, которая колеблется между революциями и реставрациями.

Рассматривая проблемы и перспективы развития политической науки в России и мире в целом, Градовский отмечал: 1) политическая наука XVII – XVIII в. «не имея возможности работать над практическими вопросами государственной жизни» идеализировала государственное устройство; строя утопические планы и находясь поэтому во враждебном отношении к положительному порядку, политическая наука находилась в разрыве с государством; 2) современная политическая наука XIX в. вышла из состояния кризиса, т.е. разобщенности с политической практикой, и рассматривает уже каждое государство как «известную ступень общежития, т.е. известный момент в историческом развитии народа»; 3) внимание современной политической науки сосредоточено уже не на форме государства, а на задачах его деятельности и способах их осуществления, на соединении теории и практики. Основной задачей политической науки в России он считал практичность, т.е. умение указывать обществу действительные и возможные для него задачи: а) движение вперед настолько, насколько подготовило условия для этого предшествующее время; б) пробуждение самодеятельности. Такие задачи в России, по мнению А.Д. Градовского, заключались в создании национально-прогрессивного государства, в формировании благоприятных условий для процветания науки. Политика российского правительства в связи с этим должна была быть направлена на достижение солидарности общественных и государственных целей, вовлечение общественных сил в государственную деятельность, предоставление независимости и самостоятельности местному самоуправлению, частным союзам, на государственную регламентацию всех политических институтов и границ вмешательства в частную сферу.

Правовой идеал А.Д. Градовского как представителя консервативного либерализма предполагал, с одной стороны, *конституционное устройство государства как единственный и доступный путь к обеспечению гарантий гражданской сво-*

боды (самоограничение государства правом, создание совещательных учреждений, и т.д.) и, с другой стороны, *возрождение провинции через развитие самостоятельности и независимости органов местного самоуправления*. Тем самым Градовский связывал будущее России с деятельностью земских учреждений, формированием в их среде основных элементов гражданского общества – экономической свободы граждан, независимого общественного мнения, духа партнерства и сотрудничества представителей общественных структур и органов государственной власти.

В § 2 «Нравственно-правовой идеал П.И. Новгородцева в контексте школы “возрожденного естественного права”» исследуется история формирования теории естественного права в западноевропейской и русской политической мысли, специфика нравственно-правового идеала П.И. Новгородцева как главы школы «возрожденного естественного права».

Именно П.И. Новгородцев на рубеже XIX – XX вв. возглавил школу «возрожденного естественного права», сторонниками которой стали Н.А. Бердяев, В.М. Гессен, И.В. Михайловский, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин, среди его учеников – Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин, В.А. Савальский, А.С. Яшенко, др. В отличие от естественно-правового направления XVIII в. – первой четверти XIX в. (С.Е. Десницкий, В.Т. Золотницкий, А.П. Кунин, М.В. Ломоносов, И.Т. Посошков, Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.А. Третьяков) П.И. Новгородцев и другие представители школы «возрожденного естественного права» рассматривали естественное право не в контексте исторической эволюции, а как известную потребность права, идеал для положительного права, философию права по своей идее, действительное право. Тем самым Новгородцев и его сторонники требовали признания самостоятельного значения за нравственным и правовым началами. Самым ярким примером постоянного элемента в праве выступали у Новгородцева права личности, являющиеся материальным пределом законодательной власти государства. Необходимость таких твердых пределов как элементов правопорядка закономерно нашла отражение в идее конституции и ее гарантий прав личности. Тем самым Новгородцев подчеркивал два момента связанности государства и права: формальный (нравственная связанность в отношении всего права) и материальный (правами личности). Обосновывая естественно-правовой подход к исследованию права, государства и общества, П.И. Новгородцев обращался к методологии изучения идей в начале XX в. и отмечал, что она должна быть комплексной и сочетать в себе: системный, критический и догматический методы. При этом выводил это правило, он сопровождал его еще двумя: 1) в одном П.И. Новгородцев следовал известному историку Р.Ю. Випперу, который предостерегал от «слишком поверхностного сближения идей с событиями» и призывал «рассматривать теории с точки зрения сложившихся форм, функционирующих учреждений, действующих общественных порядков»; 2) во втором Новгородцев отмечал, что нельзя игнорировать различия теории и практики (особенно ярко проявляющиеся в России) при оценке их общественного значения.

П.И. Новгородцеву была близка идея Р.Ю. Виппера о необходимости обратить внимание на изучение жизни традиций в обществе, о рассмотрении теорий с позиций уже имеющихся форм, учреждений, общественных порядков. При этом нельзя забывать, что любая политическая идея, теория является лишь абстракцией, а не сложившейся системой взглядов, которую можно взять за основу политической

системы. Ибо феномен культурного переживания и возрождения идей в новой среде не означает обязательной адаптации и приращения этих идей в новых условиях. Эта закономерность, выведенная Новгородцевым, была как никакая другая, пожалуй, актуальна для современной ему России. Культурное переживание идей марксизма, идей правового государства сделало их близкими, узнаваемыми и притягательными для российских теоретиков, воспринимавших идейные переживания себя и своих последователей почти как действие по воплощению воображаемых идей в действительности. Для российского менталитета, по нашему мнению, было присуще восприятие культурного переживания уже как деятельности, мечтательной грезы как сферы, заменяющей в определенной степени действительность. В результате не привычной и не естественной для многих была необходимость адаптации и приращения идей, более логичным и простым многим преобразователям (особенно радикального толка) казалось разрушение старых институтов, стереотипов и создание новых. Губительность таких подходов в истории России мы познаем и сейчас.

П.И. Новгородцев обращал внимание на несколько аспектов взаимодействия, взаимовлияния исторической, политической и философской наук, в частности, на соотношение теории и практики. Так, он отмечал, что практика жизни часто берет из популярных учений отдельные формулы, приписывая им смысл, который соответствует лишь нуждам практики. Следствием этого, по нашему мнению, является искажение содержания этих учений, сведенных к упрощенным схемам, как было в случае с марксистской доктриной в России.

Правовой идеал Канта, по мнению Новгородцева, заключался в установлении над властью известного нравственного критерия, в восстановлении значения естественного права как нравственной инстанции над положительным правом. Он устанавливал идеал абсолютно правового состояния, в котором за каждым будут окончательно укреплены его права. Этот идеал был близок и самому Новгородцеву, понимающему естественное право как право с изменяющимся содержанием, как основу положительного права.

Идеал правового государства возникал, по мнению Новгородцева, как противовес идеалу средневековой теократии. Основной чертой нового идеала государства становился его светский и правовой характер, стремление к установлению единого и обязательного для всех правового порядка. Кризис идеала правового государства как конечного, совершенного идеала человечества стал явью в конце XIX в., когда была поставлена под сомнение выдвинутая ранее как основная задача правового государства – обеспечение равенства и свободы. И первые признаки дали о себе знать уже в период Великой французской революции, когда оказались несовместимыми ценности равенства и свободы. В истории со времен этой революции произошла эволюция принципов равенства и свободы, эволюция таких форм и институтов, как представительство и референдум, институтов исполнительной власти, подверглись переосмыслению функции государства. А именно задачами нового правового государства должны стать следующие: совершенствовать процесс уравнивания общественных элементов; превращение сословного общества в общество гражданское, «построенное на начале равной правоспособности». С этой целью госу

дарство должно было уничтожить между собой и гражданами посреднические ступени властвования и «подчинить всех единому и общему для всех закону».

Рассматривая историю формирования и эволюции теории правового государства в прошлом и настоящем человечества, Новгородцев отмечал три стадии его развития: 1) учение о суверенном и едином государстве (Боден, Гоббс, XVII в.); 2) доктрина Великой французской революции, подготовленная английскими учениями (XVII в., Боден, Гоббс, Локк), в которой нашли отражение идеи французских просветителей XVIII в. (учение о разделении властей Монтескье, о народном суверенитете Руссо, др.); 3) новое понимание прав личности, принципов свободы и равенства (XIX – начало XX в., новая философия права, школа «возрожденного естественного права»), свидетельствующие о невозможности ее реализации без формирования институтов гражданского общества. Эволюция теории правового государства в XIX – начале XX в как следствие кризиса правосознания выразилась в утверждении новых принципов этой теории как правового идеала. Среди них: дуализм естественного и положительного права; провозглашение нравственной личности как высшей нормы права и основы создания правового государства; сочетание единства власти и разделения властей. При этом дуализм права должен был подчеркнуть в то же время дуализм теории и практики, правового идеала и правовой действительности. Дуализм подтверждал существование незыблемых основ естественного права, служащих ориентиром при всех исторических случайностях, перипетиях положительного права.

Принцип нравственной личности выступал у Новгородцева, по нашему мнению, как противовес принципам абстрактного равенства и абстрактной свободы, и приобретал вполне реальный характер в виде требований этой личности к обществу и государству. Сочетание единства власти и разделения властей стало новым элементом правового государства, в теории которого ранее абсолютизировался принцип разделения властей. Таким образом, как мы думаем, на третьей стадии развития теории правового государства оно выступает уже как нравственно-правовой идеал, понимаемый П.И. Новгородцевым не как совершенный образец конечного устройства мира, а как: 1) новая ступень, новый уровень политико-правового знания, утверждающего правовой характер государства и нравственную основу права; 2) как возможная, но не обязательная, не единственная и не конечная модель совершенствования мира и развития нравственно-правового прогресса. В условиях кризиса правосознания в России Новгородцев выступал против иллюзий и утопий земного рая, очередной модификацией которого и был марксизм. Идеализация марксизма, как он считал, отодвигала в русской мысли на второй план вечную религиозную проблему гармонии личности со средой как неотъемлемую часть любого общественного идеала.

XIX век, по мнению Новгородцева, обнаружил недостатки многих *политических средств*, которые разрабатывались предшествующими поколениями как неизменные средства в политике, ведущие к совершенству жизни. Среди них – парламентаризм, всеобщее избирательное право, референдум, социальные реформы и социальное воспитание. В результате практического их использования потерпели крушение не только сами политические средства, но и конечные цели, связанные с ними. Поэтому, считал Новгородцев, необходимо отказаться от иллюзий найти разреши

тельное слово, которое отражало бы абсолютную форму жизни и указало средства осуществления земного рая.

В связи с попытками многих русских мыслителей отождествить идеал с русской самобытностью, с национальной миссией народа, его национальным идеалом, Новгородцев совершенно правомерно отмечал невозможность такого отождествления. Ибо любые идеи избранничества, высшего предназначения, преимущественных прав на абсолютное царство духа представляют собой лишь формы абсолютизации исторических явлений. Незаконным является прием подобной абсолютизации и по отношению к отдельным общественным элементам – народовластию, парламентаризму, социализму, др., каждый из которых в отдельности имеет ценный элемент. Поэтому на смену единоспасующим идеалам общественного устройства предшествующих эпох Новгородцев предлагал комплексную, совокупную систему совершенствования всех институтов будущего гражданского общества и правового государства: церкви, государства, народного единства, др. Опасность возведения какого-либо принципа, элемента общественной жизни в *культ* была пророчески им предсказана в начале XX в. и нашла подтверждение, по нашему мнению: 1) в абсолютизации принципа равенства, народовластия в императорской и Советской России; 2) в культе чистоты арийской расы в фашистской Германии; 3) в культе единства царя и народа, монолита советского народа в России; 4) в культе «человеческого фактора» времен советской перестройки 90-х гг. XX в.; 5) в культе конституционного шаблона (со второй половины XIX в. до сегодняшнего дня); 6) в культе неуязвимости западного мира, стабильного и счастливого американского образа жизни, вмиг разрушенного в трагические для США и всего цивилизованного мира события 11 сентября 2001 г.; 7) в культе идеологического разделения мира на различные политические системы, западную и восточную цивилизации, в неизбежности конфликта западной и восточной цивилизаций, западного и мусульманского мира, что протееоретики III мировой войны пытались доказать миру, когда теракты в США 11 сентября 2001 г. были расценены некоторыми как конфликт цивилизаций.

В § 3 «Государственно-правовой идеал в теории непрерывного прогресса М.М. Ковалевского» исследуются особенности конструирования М.М. Ковалевским правового идеала в контексте разработки им историко-сравнительного метода в политико-правовой мысли России. Развивая историко-сравнительный метод, которому была посвящена в 1880 г. специальная работа «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права», Ковалевский отмечал необходимость сравнения только сопоставимых объектов. При этом он считал невозможным приравнивание историко-сравнительного метода к простому сопоставлению Ш. Монтескье и Б. Константа, др., так как историко-сравнительный метод рассматривался им как средство построения новой науки – истории естественного роста человеческих обществ. Новый метод предполагал не открытие новых фактов, а научное объяснение уже найденных.

Понятие *неотъемлемых прав человека* возникло, по его мнению, не в «золотом веке» развития человечества, а намного позже под влиянием религий, международного торгового обмена, когда категория солидарности стала объединяющим началом жизнедеятельности народов и государств. Тем самым *феномен солидарности* рассматривался Ковалевским как исходный в понимании права, неотъемлемых прав

человека, возникших в догосударственный период. В целом, в начале XX в. мы прослеживаем в русской политико-правовой мысли формирование такой тенденции как поиск устойчивой взаимосвязи феноменов прогресса и социальной солидарности. Так, основой *исторического прогресса человечества*, по мнению М.М. Ковалевского, является развитие *социальной, общественной солидарности*, которая приходит на смену борьбы, и сопутствует осознанию членами той или иной общности, социальной группы целей развития и взаимозависимости друг от друга. Считая формирование солидарности закономерным, Ковалевский связывал его с биологической эволюцией человеческого рода, развивая идеи Дарвина, Спенсера, Мальтуса. Преимущество *солидарности* он видел в том, что оно способствовало созданию из любой социальной группы «замкнутой среды», в которой вместо борьбы существовали гармоничные взаимоотношения.

Развитие права Ковалевский тесно связывал с ростом культуры и гражданственности, *солидарности* людей. Поэтому к переменам, реформам политики действующего права, по его мнению, вели конкретные проявления гражданственности – личная проповедь, личный пример, деятельность, что не позволяло считать истинными суждения «о самопроизвольном развитии права или о зависимости его исключительно от поступательного хода знаний или народной экономии». В результате критериями действующего права Ковалевский выдвигал социологические методы, приемы, закономерности, в частности социальную динамику, которая дает *общую формулу прогресса*, т.е. раскрывает законы, управляющие ростом человеческой солидарности.

Прогнозируя дальнейшее развитие человечества в соответствии со своей *теорией непрерывного прогресса*, Ковалевский видел его в следующем: 1) создание *автономных политических тел*, взаимосвязанных и объединенных в союзы, федерации; 2) главная цель таких союзов – *хозяйственный расчет*, расширение торговых и других обменов в условиях свободы рынков; 3) основой автономных тел является начало *самоуправления народа и самоопределение личности*, что обеспечивается и гарантируется институтом *парламента* и признанием государством *субъективных прав граждан*. *Государственно-правовой идеал* Ковалевского заключался в *непрерывном* социально-экономическом, политическом, психическом, нравственном *прогрессах человечества*, создающих фундамент правового прогресса. В соответствии с его доктриной множественности факторов прогресса, либерально-правовой идеал Ковалевского включал создание «замкнутой среды» во всех сферах развития общества, *гуманизацию* политики, права, суда и т.д. Рассматривая возможные аналогии феномена солидарности, А.Н. Медушевский проводит параллель между учением М.М. Ковалевского о солидарности и учением П.А. Кропоткина о взаимопомощи как главной движущей силе эволюции. И это правомерно, хотя взаимопомощь не исчерпывает, по нашему мнению, понятия солидарности.

Будучи сторонником *идеи прогресса* во всем: в промышленности, государственном строе, в политических теориях, в истории форм государства, Ковалевский поддерживал и идею правового прогресса, приращения человеческих прав, утверждая: государство представляет собой постоянное расширение сферы индивидуальной самостоятельности, возрастание суммы личных прав. А с формированием правового государства (формой которого в России может быть только конституцион

ная монархия) личность будет иметь «возможность свободного проведения своих требований до момента, когда эти требования входят в коллизии с интересами общества и принимают форму нарушения установленного им права». Тем самым опека государства над личностью носит характер пресечения, а не предупреждения, на смену полицейской ответственности приходит судебная.

Развитие прогресса понималось Ковалевским как непрерывный процесс эволюции, реформирования, мирных преобразований, динамичное развитие, вечное движение «от прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму». Но даже высшие, казалось бы, уровни правового и политического развития – правовое государство и парламентаризм – не являлись для него последним словом, застывшей формой и предполагали дальнейшее развитие принципов равенства и свободы. Они были лишь идеалами прошлого и настоящего, на смену которым должны неизменно придти новые идеалы, новые запросы, которые «сила подражания обращает сперва в требование общественного мнения, в юридическое сознание масс, а затем в обычай или закон». Как мы видим, Ковалевский развивал идею непрерывной смены идеалов, непрерывного прогресса общества и человека в силу исторического развития человечества. Эта оптимистическая и рациональная, по нашему мнению, концепция вечного обновления жизни человечества брала начало у Ковалевского с манифестов левеллеров, у которых еще до Реформации он видел прототипы деклараций прав человека, в частности идеи разделения властей, свободы человека.

Наряду с правом на судебную защиту, судебной ответственностью всех и каждого характеристиками *правового государства* Ковалевский считал: личные права; принцип разделения властей; господство права; конституционные гарантии прав и свобод граждан; ответственность должностных лиц перед судом; свобода местного самоуправления; двухпалатный парламент, парламентаризм; право парламентского запроса.

М.М. Ковалевский поднимал проблему использования политического и правового опыта одного государства другими, который может выразиться в слепом копировании, подражании, переносе институтов права и политики, ожидании чуда, скорейшего эффекта (что можно, по нашему мнению, назвать *политическим иллюзионизмом*), или попытке отработать модель, синтезирующую особенности национальной культуры и факторы адаптации в ней чуждых образцов (что можно охарактеризовать, мы думаем, как *политический реализм*).

Ковалевский, разрабатывая теорию множественности факторов развития (географический, политический, психологический, экономический, др.), *теорию непрерывного прогресса* (как смену антагонизмов солидарностью во всех сферах), сравнительно-исторический метод в праве, создавал государственно-правовой идеал, применимый не только для России, но и в любом государстве. Смысл его заключался, по нашему мнению, в следующих важных, актуальных и для XXI в. элементах формирования *рациональной, конструктивной модели создания общественной солидарности, гражданского общества*: 1) сравнительно-историческое исследование закономерностей развития конкретного общества; 2) сопоставление его с близкими по развитию, особенностям исторического формирования общества; 3) выделение политических и правовых институтов, применимых для успеш-

ного развития данного общества; 4) подготовка «почвы», фундамента для адаптации в данном обществе иностранных институтов, формирование *общественной солидарности* как осознание общности целей развития; 5) подготовка условий для реализации *универсальных элементов каждой политической системы*: принципов парламентаризма, хозяйственного расчета, обеспечения субъективных прав человека; 6) *открытость общества* международным связям, обменам, сотрудничеству как залог его самосохранения и прогрессивного развития; 7) *создание новых союзов*, ассоциаций, в том числе на федеральном уровне с целью совершенствования политических и правовых учреждений, их непрерывного прогресса. Политическим рецептом для России начала XX в. стало, по нашему мнению, утверждение Ковалевским зависимости мнения о правительстве от материального благосостояния и морального состояния управляемого им народа. В целом, государственно-правовой идеал М.М. Ковалевского складывался из следующих составляющих его элементов: 1) сильное и самостоятельное общественное самоуправление; 2) парламентаризм; 3) приоритет реформаторскому развитию России; 4) создание конституционных гарантий прав и свобод граждан; 5) ограниченность государства правом, личными правами граждан. Наилучшей моделью государственного устройства он считал конституционную монархию, будущее которой было сосредоточено в парламентаризме.

В главе VII «Трансформация правового идеала в начале XX в., интегрализм как доминанта русской либеральной традиции» исследуются модели правовых идеалов Б.А. Кистяковского, И.А. Покровского, Н.Н. Алексеева. В § 1 «Б.А. Кистяковский о правовом социализме» рассматривается конструкция правового социализма Б.А. Кистяковского как результат его попытки синтезировать принципы правового и социалистического государства. В своей методологии Кистяковский не ограничивался рамками естественно-правового подхода и считал необходимым признание методологического плюрализма в политической мысли и философии права. Это предполагало использование в научных целях достоинств и преимуществ всех имеющихся методов и подходов научных школ, будь-то юридический позитивизм, социологическая школа права или психологическая теория права. Также методологический плюрализм Кистяковского выражался во взаимосвязи методов и подходов различных отраслей знания: формирующейся политической науки, юриспруденции, психологии, социологии, философии. Подобный подход можно увидеть в творчестве М.М. Ковалевского и П.А. Сорокина. В частности, провозглашаемый Сорокиным принцип интегрализма, как мы считаем, использовался многими представителями русской политико-правовой мысли в конце XIX – начале XX в. И это во многом отличало ее содержательный и методологический характер от предыдущего этапа развития политико-правовой мысли во второй половине XIX в., когда четкая концептуальная определенность была задана преобладающим позитивистским подходом.

В своем главном труде «Социальные науки и право» Кистяковский анализировал научный кризис, особенно ярко проявившийся в области социально-научного знания. Среди симптомов научного кризиса он называл следующие: 1) распространенным является разочарование и поиск удовлетворения и успокоения в других сферах духовной деятельности; 2) популярность прагматических воззрений, когда вместо априорных принципов приоритетными становятся принципы фактической

пригодности, пользы и интереса, когда полезность рассматривается как высший критерий для научной истины; 3) неудовлетворенность научным знанием является одной из причин перехода *от марксизма к мистицизму*, возведения религиозной веры в ранг судьи над научным знанием. Причина научного кризиса, по мнению Б.А. Кистяковского, заключалась в отрицании в современном обществе (1912) возможности объективных истин, объективного знания в социальных науках и в утверждении правомерности групповых и классовых истин.

Проекты земного рая, в частности марксизм, как мы знаем, были подвергнуты резкой критике П.И. Новгородцева, которая была поддержана и Б.А. Кистяковским. В чем причина возникновения и массовости подобных проектов, особенно на русской почве? Корень зла, по мнению Кистяковского, заключался в игнорировании правовых начал при формировании той или иной модели государственного устройства. Поэтому он стал сторонником правового государства, пытаясь трансформировать его в рациональную модель в новых условиях научного кризиса. Научный кризис проявился и в *кризисе юриспруденции*, писал Кистяковский в 1914 г., что нашло выражение в кризисах в способах построения научного знания о праве — крушении старых и появлении новых правовых теорий. В новейших течениях политико-правовой мысли и отражались черты переходного состояния правосознания: 1) например, в *движении в пользу «свободного права»*, т.е. расширения полномочий судьи, который мог бы создавать новые нормы от случая к случаю при решении дел, не предусмотренных законодательством; тем самым это движение выступало за создание прецедентного права, подобного существующему в англосаксонской правовой системе; 2) в *психологической теории права* (Л.И. Петражицкий), которая утрировала право, признавая объективное право иллюзорным, др.

Рассматривая государство в настоящем и будущем, Кистяковский считал правомерным разговор только о правовом государстве, а в отношении России — правовом социализме. Государство он рассматривал как «правовую организацию народа, обладающую во всей полноте собственной, самостоятельной и первичною, то есть ни от кого не заимствованной властью». Государственная власть с необходимостью присутствует и в социалистическом государстве, ибо оно «не осуществимо без власти», которая будет гарантировать исполнение новых правовых норм. Однако Кистяковский допускал, что формы воздействия государственной власти на людей при социализме будут ослаблены по сравнению с конституционным и правовым государством, в первую очередь «формы репрессии и принуждения».

Характерной чертой современного правового государства Кистяковский называл близость власти, ибо в нем господствуют не лица, а общие правила и правовые нормы. Рассматривая государственную власть в правовом государстве, Кистяковский одним из первых в русской политической мысли поднял вопрос о легитимности власти, ее нравственном оправдании, понимая *правовую власть носителем высokonравственной идеи*. Это оправдание или наличие одухотворяющей идеи он относил к необходимым признакам власти, таким как: престиж, обаяние, авторитет, традиция, привычка, сила. Для современного культурного человека, считал он, недостаточно того, что власть существует, полезна и целесообразна. Только если она способствует тому, что должно быть, ведет к господству идеи права, только тогда мы можем оправдать ее существование, только тогда мы можем признать ее

правомерной». В таком ракурсе власть для лиц, ею облеченных, является их правовой обязанностью, общественным служением. В результате под государственной властью Кистяковский понимал «служение этих лиц на пользу общего блага», выдвигая здесь на первый план ее политический характер.

Кистяковский был противником революционных потрясений и считал основным противоречием российского общества противостояние «волонтаризма революционеров» и «интеллектуализма конституционалистов». Его угнетало утопическое отношение к вопросу о политической свободе, свойственное революционным партиям. Лишь Г.В. Плеханов, отмечал Б.А. Кистяковский, объективно оценивая современное состояние России в начале XX в., осознавал необходимость создания реальной общественной силы для завоевания политической свободы как «подготовительного средства к осуществлению социалистического строя». Опасным явлением, определившим в дальнейшем неизбежный тоталитарный характер Советского государства, стал тот факт, что в рабочей среде, в партийной среде революционеров отсутствовало интенсивное правовое чувство, ибо им было чуждо понимание решающей роли права для государственной организации.

Критикуя *утилитарный взгляд на права человека и гражданина*, свидетельствующий о первом кризисе идеи прав человека, правового государства, Кистяковский отмечал, что он должен был смениться серьезным отношением к ним, пониманием безотносительного (имелось ввиду не обусловленного формой государственного устройства, историческим типом государства), то есть универсального значения принципов Декларации прав человека и гражданина. Именно такое отношение должно было позволить отказаться от отождествления *общества* (как это делалось в политических учениях XVIII в.) с «простой арифметической суммой отдельных людей» и рассматривать его как *сообщество равноправных граждан, наделенных реальными правами и свободами*. В целом, рассматривая процесс приращения прав человека и гражданина в мировой политико-правовой мысли и законодательстве Англии, Франции, США, Бельгии, Германии, Кистяковский выводил важную, по нашему мнению, закономерность, а именно движение в политико-правовой науке и конституционном праве этих стран от утверждения национальных прав к установлению известных гарантированных прав личности, т.е. *тенденцию* развития от национальных к универсальным правам человека и гражданина. И это было важным элементом мирового политико-правового развития, свидетельствующего о приближении человечества к его (ставшему постепенно универсальным) правовому идеалу – правовому государству, признающему не только власть, но и отдельного человека одновременно объектом и субъектом права.

Наряду с категориями «культурное», «правовое государство» в это время стало распространенным понятие «*конституционное государство*». Изучая работы российских политических мыслителей и правоведов рубежа XIX – XX вв., мы делаем вывод о том, что в этот период и особенно четко в начале XX в. обозначилась тенденция рассматривать правовое и конституционное государство как синонимы. В то же время происходило слияние совершенно различных идеалов – общественных, правовых, государственных, их отождествление, что было связано: 1) с признанием идеи правового государства многими общественными и научными деятелями России; 2) с растущим правосознанием в обществе; 3) с формирующейся потребо-

ностью в праве, в осознании необходимости связанности государства правом. Хотя надо заметить, что при отождествлении этих понятий каждый мыслитель все-таки создавал свою модель правового государства, утверждая *принцип верховенства права или верховенства закона*, принцип совместимости правового государства с ограниченной монархией или республикой, свое понимание права. И если *идея правового государства как правового идеала* признавалась в тот период многими, то о гражданском обществе вели речь лишь неолибералы, предполагавшие увеличение доли самостоятельности и избирательной активности граждан в обществе. Это не всегда параллельное, не всегда взаимодополняющее и взаимообусловленное развитие двух взаимосвязанных идей – правового государства и гражданского общества – имело, как нам думается, довольно печальные последствия для российской теории и практики.

Кистяковский сосредоточил свое внимание при рассмотрении правового государства на таком его принципе, как необходимость правового законодательства, обосновывая закономерный переход от правового государства к социалистическому. Если для большинства сторонников правового государства ведущим его принципом является разделение и уравнивание властей как гарантия свободной и независимой деятельности гражданского общества, то для Кистяковского народное представительство как свидетельство единения государственной власти с народом являлось пиком, вершиной развития правового государства. Полное такое единение было возможно, по его мнению, только в народном или социалистическом государстве, которое заимствует принципы правового государства. Вся организация правового государства носила у него «чисто общественный характер», ибо нормальное и верное выполнение государственных функций в правовом государстве зависит от самостоятельности народных масс и общества. Правовое государство немыслимо без активности народа в отличие от полицейского государства, в котором царит детальная и формально-казуистическая регламентация, отсутствуют организаторские элементы.

Отличие правового социалистического государства, правового социализма от правового государства заключалось в его трактовке в следующем: 1) социалистический строй устранил хозяйственную анархию; 2) будут расширены две основы правового государства – субъективные публичные права и участие народа в законодательстве и управлении страной, прежде всего в хозяйственной сфере; 3) права человека и гражданина получают здесь «полное признание и окончательную формулировку»; 4) появится новая категория – социалистические права – включая в себя право на труд, на пользование землей и орудиями производства, на участие в материальных и культурных благах; все это и составит общее право на достойное существование. Кистяковский считал, что *социально справедливое государство* – это прежде всего *демократическое и народное государство*, в котором лучше всего может быть отражена ведущая черта правового государства, его организаторский характер. *Правовое государство как организующая сила* способно устранить анархию из правовой и государственной жизни, а правовой социализм – еще из хозяйственной жизни; так как Кистяковский называл прямой целью государства будущего – «заменить анархию, господствующую в общественном капиталистическом производстве, организованностью производства, которая будет осуществлена вместе с установлением справедливых социальных отношений».

С этой целью государство будущего должно было предпринять реформы в области государственно-правовых и частноправовых отношений, в частности, все средства производства должны были стать общенародным достоянием, что неизбежно вело к сохранению безграничной личной свободы. Именно это ограничение, как подчеркивал Кистяковский, порождало сомнения в необходимости социально справедливого государства будущего и являлось главным аргументом противников данной концепции. Среди пророчеств оппонентов социалистического государства он отмечал превращение его в перспективе в деспотическое, во «всеобщего работодателя» с военными поселениями или казармами, трансформация его в «грядущее рабство». Преимущество социализма Кистяковский видел в расширении сферы публичных субъективных прав, в обеспечении тем самым полноты личности.

Вариант Кистяковского, отражавший стремление политико-правовой мысли России начала века к правотворчеству на либерально-социалистической основе был, как и большинство либеральных проектов, утопичен. Однако, в целом, *мы высоко оцениваем его концепцию «правового социализма» как попытку самостоятельного рационального поиска оптимальных моделей развития России, наряду с многочисленными апелляциями к ретроспективам российской истории.*

В § 2 «**Солидарность свободных личностей как правовой идеал И.А. Покровского**» отмечается, что рассматривая взаимоотношения политики и права, Покровский приводил очень удачное сравнение Ренана, писавшего: *политика подобна пустыне; в которой идут наугад, так как надо идти; и никто не знает, где добро, где зло; в то время «как для пустыни, так и для политики есть свой компас».* Этим компасом он считал постоянный ориентир на свободу и социальную солидарность, поддерживая тем самым неолиберальное направление политической мысли, в противовес радикалам, отстаивающим ориентацию на противоречащие друг другу ценности свободы и равенства. Социальная солидарность стала новым понятием в российском неолиберализме, предполагавшем формирование социального государства, которое готово сотрудничать с обществом и гражданами. Правовая политика государства (сильного не столько своим аппаратом и соответствующими атрибутами, сколько созданным взаимодействием с общественными структурами) должна была быть направлена на подготовку и реализацию социально-экономических, правовых программ помощи отдельным социальным группам, особенно социально незащищенным. Идея социального государства влекла за собой постановку конкретных практических вопросов в политике: 1) не только регламентация, но и необходимость создания механизма обеспечения гарантий прав человека; 2) не только поиск инструментов эффективной политики самим правительством, но и вовлечение в политическую деятельность граждан. Для этого предполагалось создание института народного представительства, идея которого массировалась в правительственном конституционализме, начиная со М.М. Сперанского. Таким образом мы видим, что на политическую авансцену в начале XX в. выдвигались новые стратегии политической деятельности, требующие активного политического участия всех социальных групп.

Среди *основных категорий, понятий, закономерностей, которыми оперировал Покровский:* система юридической централизации (публичное право) и децентрализации (частное право), в том числе и новые для русской политико-правовой мысли *понятия персонализма и трансперсонализма, солидарности свободных личностей*

как конечного этапа развития права, категория солидаризма, понимание личности как второй «державы» после народа, др., а также утверждение меньшей подвижности гражданского права в отличие от публичного.

Правовой идеал Покровский не ограничивал естественно-правовыми и индивидуалистическими пристрастиями, а шел намного дальше. *Правовой идеал* он связывал с *прогрессом человеческой культуры*, в котором должны были сочетаться процессы индивидуализации (постепенный рост духовной свободы человека) и обобществления (солидарность в экономике), нейтрализуя тем самым их крайние проявления на пути к конечной цели – солидарности свободных личностей. Как видим, понятие *солидарности*, *солидаризма*, а также *гармонии*, синтеза встречаются и доминируют у большинства политических мыслителей в России начала XX в. И это не случайно, ибо здесь мы усматриваем попытку найти противовес устаревшим и скомпрометировавшим себя еще со времен Великой французской революции лозунгам «свободы», равенства и братства».

Покровский усматривал за решением вопроса о *дилемме «сила или право»* не только конкретный контекст современных событий, но и перспективы дальнейшего развития. Он правомерно устанавливал четкую взаимосвязь между решением этого вопроса и утверждением критериев прогресса: сила или право, сверхчеловек или сверхгосударство, мир или война, свобода или равенство, права человека или права государства, др. Психологические аспекты политики и права, взаимоотношения человека и государства, как можно видеть по работам Покровского, справедливо играли в его мировоззрении немаловажную роль. И это существенно, так как он прослеживал взаимосвязь философии права со многими науками: политической, юридической, а также с этикой, экономикой, психологией, наконец. Тем самым он выступал сторонником гармоничного сочетания различных теорий права – психологической, социологической, др., отбирая в каждой по крупницам то, что приемлемо для его понимания прогресса как прогресса человеческой культуры.

Сквозной темой всех работ И.А. Покровского, как и многих других либеральных мыслителей, стала проблема личности и ее неотъемлемых прав. Два основных аспекта, которые в связи с этим рассматривал Покровский: 1) формальные условия, обеспечивающие независимое юридическое положение личности в обществе и состоящие из начал определенности и прочности правопорядка; 2) материальное содержание независимого юридического положения, которое «может быть лучше или хуже в зависимости от того, какие права признаются за человеческой личностью, какие стороны ее существования оказываются защищенными». Освобождение личности от поглощения ее обществом явилось ведущим элементом правового идеала И.А. Покровского. Это освобождение могло быть достигнуто, по его мнению, благодаря признанию личности «самостоятельным субъектом прав, обладательницей правоспособности и дееспособности», когда личность выступает в обществе и государстве как самостоятельная сила, юридическая самоценность. Прогресс личности как субъекта прав неизменно ведет к появлению совершенно новых потребностей человека, в частности потребности в праве на индивидуальность и достойное существование.

Правовой идеал (понимаемый им как солидарность свободных личностей) И.А. Покровского сочетал в себе несколько аспектов будущего справедливого поряд-

ка: рост духовной свободы человека; обобществление (как проявление солидарности в экономике); определенность и прочность права; признание индивида субъектом прав и закрепление за ним субъективных прав; приоритет права человека на достойное существование; гармоничное сочетание политической, социальной воли и самосознания, этического контроля над политическими и правовыми чувствами, и, в целом, всеми элементами общественной психики и политической психологии.

Как видим, в отличие от большинства представителей русской политико-правовой мысли, Покровский не ограничивался в построении *правового идеала* только опорой на естественно-правовую доктрину и теорию правового государства, а поднимался на ступень выше. А именно он отстаивал философско-политический фундамент – *персонализм, персоноцентризм* – в праве, что категорически отрицали сторонники исторической школы, не допускавшие даже отдельного философского элемента в праве. Наряду с этим Покровский прослеживал *взаимосвязь права с общественной и политической психологией*, утверждая троякое его проявление в обществе через социальную и политическую волю, социальное, политическое и правовое сознание, правовые и политические чувства, пороки которых отражают либо черты национального характера народа, либо результаты его исторических судеб.

В § 3 «Правовой идеал Н.Н. Алексеева» утверждается, что правовым идеалом Алексеева был правовой «разумно построенный порядок» как «инструмент, преследующий цели общественной безопасности». При этом, ссылаясь на И. Канта и соглашаясь с ним, Н.Н. Алексеев считал правовой и государственный порядок чисто техническими системами. Отрицательной тенденцией современной политической мысли Алексеев считал то, что понимание права как социальной ценности подвергалось сомнению, господствовал правовой скептицизм. Наибольшей последовательности подобный феномен достигал в работах М. Штирнера, отрицающего право. Многим своим современникам Алексеев ставил в вину факт признания за правом лишь его относительной ценности и возведение в ранг абсолютной ценности личности. Отрицая подобный индивидуализм как основу анархизма, Алексеев отмечал важную и актуальную для Советской России 20-х гг. XX в. закономерность: абсолютная личность может разрушить правопорядок и объявить себя вне закона. Поэтому не следует абсолютизировать личность, а необходимо признать как критерии ценности – порядок и закон. Ибо порядок является положительным и созидующим началом жизни в природе и человеческом обществе, так как ему имманентна внутренняя сила самосохранения и устойчивости. Ни народ, ни личность не обладают подобной силой, поэтому ни коллективизм, ни индивидуализм не могут претендовать сегодня на роль приоритетной, определяющей политику концепции.

Правовой идеал в отличие от нравственного и религиозного предполагал в его трактовке конкретное описание опыта, необходимого для построения права на началах правды и справедливости. Тем самым мы видим, что Н.Н. Алексеев считал правовой идеал вполне реальной моделью, ведущей к совершенному праву. Условия формирования совершенного права в его трактовке были следующие: 1. Усовершенствование права должно начинаться с усовершенствования субъекта права, обеспечения ему здоровой и нормальной деятельности, формирования у него здорового правосознания, порождением которого будут нормальные и здоровые учреж-

дения и институты положительного права. При этом духовность субъекта обеспечивает и духовный характер правовых установлений, образующих в целом образцовый и совершенный, реально действующий правопорядок. 2. *Утверждение фактических правовых ценностей*, среди которых ведущей является справедливость. 3. *Правовая тактика или правовая политика* как искусство реализации ценностей, задачей которого является познание путей воплощения ценностей или одухотворения правовой жизни. В результате реализации подобных условий должен быть достигнут *справедливый правопорядок*, в котором будут обоснованы права и обязанности членов общества. Однако, предупреждал Н.Н. Алексеев, не нужно стремиться к возвышению условий совершенствования права до полной духовности, так как это приведет к неосуществимости правового идеала. Также условием формирования правового идеала являлась, по его мнению, и совершенная *правовая техника*, особенно техника писанного права, в основе которой должен лежать справедливый и отвечающий потребностям времени, необходимый, полезный и очевидный, установленный для блага гражданского общества закон.

Опасной тенденцией своего времени Н.Н. Алексеев считал отождествление различных по сути идеалов — «правовых», «политических», «общественных», в связи с чем и философия права (часто именуемая наукой о правовых идеалах) «отождествляется с политической, государственной и социальной философией». Причиной подобного отождествления стало признание правового государства идеальной моделью многих концепций совершенного устройства мира. Панацеей от социальных и политических потрясений признавались личные права и юридические гарантии, а философия права становилась общественной наукой. В целом, изучив политико-правовое наследие Н.Н. Алексеева, мы считаем необходимым сделать следующие выводы: 1) Н.Н. Алексеев выявил *опасные тенденции утопизма* в общественной и политической жизни государства, предостерегая от понимания права как единственного регулятора общественных и политических отношений; 2) Н.Н. Алексеев считал возможной и необходимой *апелляцию к естественно-правовому подходу* в философии права, политической мысли, но при условии отказа от отождествления естественного права с началами вечности, натуральности, отказа от понимания естественного права как единственно должного для права положительного; 3) используя *аксиологический и персоналистический подход*, Н.Н. Алексеев опровергал первоочередность для общества и государства имперсональных, сверхперсональных ценностей, утверждая в качестве *высшей правовой ценности* человеческую личность; 4) *истинное понимание личности* он отделял от крайностей индивидуализма (выражающихся в эмоционализме психологической теории права Л.И. Петражицкого) и коллективизма (предполагающего рассмотрение человека только как элемента совокупного целого); 5) используя *феноменологический подход*, Н.Н. Алексеев рассматривал правовой идеал не как проповедь совершенного устройства, земного рая, а как поиск и адекватное описание реальных условий обеспечения справедливого правопорядка, в котором будут обоснованы и гарантированы права, свободы и обязанности граждан; 6) выходя из *кризиса наук*, в частности *философии права*, политической и юридической наук, в настоящее время он видел в *утверждении в качестве основных высших ценностей — личности и справедливости*, в утверждении иерархии ценностей в обществе, что должно способствовать отказу от крайностей

в отношении права либо в пользу абсолютизации права и рассмотрения его как самоцели, либо низведения права до ничтожного элемента общества и государства.

В главе VIII «Проблемы правового прогресса и регресса в контексте нравственно-правового идеала П.А. Сорокина» отмечается, что интегрализм П.А. Сорокина является своеобразной светской модификацией *русской идеи Всеединства*, разработанной В.С. Соловьевым и имеющей истоки у славянофилов и Ф.М. Достоевского. Стремление к интегрализму, стало, по нашему мнению, ведущей характеристикой русской политической науки, формирующейся в конце XIX в. Результатом этого были различные вариации синтеза теорий правового государства и социализма (правовой социализм Б.А. Кистяковского, С.И. Гессена), культурного государства и социализма (культурный социализм П.Б. Струве), правовых и психологических факторов (психологические теории права Л.И. Петражицкого и Н.М. Коркунова). Наиболее яркое воплощение, цельность и стройность интегрализм получил в творчестве П.А. Сорокина, которому удалось представить гармоничную систему, объединяющую целую гамму факторов, явлений (голода, войны, созидательной любви), тенденций и закономерностей (например, падения кар и наказаний) совершенно различных отраслей знания.

Он предвосхитил в своей концепции альтруистичного человечества современные шедевры политической, философской и правовой наук – новый персоналистский гуманизм, теорию толерантности, утверждающие как приоритетное право человека на уникальность. Сорокин развивал здесь, по нашему мнению, своеобразную *философию ненасилия*, компоненты которой стали составляющими чертами модели его правового идеала. Среди этих компонентов: 1) гуманное отношение к преступникам, приоритет перевоспитанию, а не назиданию и наказанию; 2) терпимость к инакомыслию; 3) раскрытие новой грани христианства: восприятие добродетели не только как нравственного, но и как социального идеала; 4) формирование созидательной энергии людей, всех вместе и каждого в отдельности, как двигателя общественного прогресса; 5) неудовлетворенность материальными институтами типа ООН, вера в силу моральных факторов взаимоотношений между людьми любви, дружбы, сотрудничества.

В подтверждение своей концепции необходимости движения человечества к большей альтруистичности, Сорокин отмечал, что научные исследования такого *морального феномена как любовь*, привели его к следующим уникальным умозаключениям: 1) *любовь может остановить межличностную и межгрупповую агрессию*; 2) *любовь является определяющей силой для физического, ментального и морального здоровья человека*; 3) *любовь – противоядие против преступных, патологических, суицидных тенденций*; 4) *минимум любви необходим для созидательного прогресса и гармоничного социального порядка*. Эти умозаключения Сорокина лучше всего, по нашему мнению, подтверждают верность его философии ненасилия и теории толерантности в политической науке XX в.

Изучая право, Сорокин уделял большее внимание психологическому, нравственному фактору, а не социально-экономическому, явно выступая приверженцем психологической теории Л.И. Петражицкого. Так он впервые ввел и развил в российской политико-правовой лексике такие психологические элементы в политике и праве как то: 1) *правовая боль*, отмечая, что «все формы борьбы за право вызваны

опущением правовой боли», поэтому защищая нарушенное право, человек защищает тем самым «величайшую общественную ценность» – общественное достоинство; 2) *правовое чувство* в народе, отмечая, что право облагораживает весь душевный строй людей, всю их психику, превращает ее из «холопьев души в душу свободного гражданина»; что было особенно актуально для российского общества, в котором феномен холопства оставался и после освобождения народа в 1861 г.; 3) *«морально-правовой термометр»* как измеритель правовой защищенности и морального спокойствия человека в обществе.

П. Сорокин выявил тенденцию многообразного влияния права на человека и общество. В частности, право выступало у него в нескольких аспектах: 1) оно как «чистая мотивирующая сила способствует формированию гражданина»; 2) как принудительная сила оно влияет на человека и общество в виде «правовой угрозы наказанием или правовой награды; в виде принудительных физических актов со стороны государства или общества; в форме прямого или косвенного правового отбора при использовании смертной казни в виде меры наказания»; 3) в качестве дрессирующей силы, способной привить новые привычки и истребить старые путем повторения, «прививки» (например, привычки к психологии и поведению свободного человека). Как видим, Сорокин рассматривал влияние права на все сферы жизнедеятельности человека и общества, и в его творчестве велико влияние авторов психологической теории права Н.М. Коркунова и Л.И. Петражицкого. Высшая степень проявления влияния права на человека и общество в представлении Сорокина, по нашему мнению, это право, выступающее на уровне правового убеждения, осознания своих правомочий и обязанностей.

Сорокин выводил *социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы*, считая что коммунистическая система экономики и идеологии является лишь разновидностью тоталитарных систем экономики, идеологии и политического режима. Типы систем управления и идеологий не являются чем-то постоянным, а непрерывно колеблются между полюсами тоталитарного и свободного режимов с минимумом правительственного контроля социальной жизни, отношений и поведения граждан. С увеличением этого контроля, по его мнению, происходит процесс тоталитарной конверсии, а с уменьшением – детотализации в направлении свободы. *Тоталитарная трансформация* (конверсия) в свою очередь сопутствует всем значительным кризисам в форме войны или ее угрозы, большого голода, экономической депрессии, опустошительной эпидемии, землетрясения, наводнения, анархии, революции. С уменьшением кризиса происходит и снижение правительственной регламентации, детоталитарная свободная реконверсия. Среди факторов *краткосрочных флуктуаций* Сорокин отмечал как наиболее важные: 1) война или мир, 2) экономическое процветание или обнищание, 3) всевозможные социальные кризисы. При этом приоритет он отдавал военному фактору и связанному с ним усилению правительственного контроля. В период войны, по его мнению, «тоталитарный крен», то есть централизованная и жесткая дисциплина, организованность усилий были просто необходимы для победы. *Генезис же тоталитаризма* он усматривал поэтому не в теории Маркса, Лассалля, Ленина, а в социальной практике «создателей воинствующих империй» Чингисхана, Тамерлана, Цезаря, Наполеона и т.д. Наряду с этим известна и очевидна, «тоталитарная» роль голода, обнищания и экономических

кризисов (хотя менее чем войны), которая также вызывает потребности в усилении правительственной регламентации.

Рассматривая *правовой идеал взаимной солидарности и любви с точки зрения полезности права в обществе*, Сорокин выводил следующие критерии измерения роста и уменьшения человеческой солидарности, позволяющие решать – приближается или удаляется состояние человечества к очередному идеалу права, правовому идеалу: 1) критерий интересов личности; 2) критерий правового равенства личности; 3) критерий количественного и качественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения; 4) критерий падения наказаний и наград, в связи с этим он вводил категорию «наградного права»; 5) критерий качества тех средств, которыми добывается социально-благожелательное поведение. Эти критерии соответствуют историческим законам, которые четко подтверждают не регресс, а морально-правовой прогресс человеческой цивилизации. В исторических изменениях права, исторических законах Сорокин усматривал постоянные тенденции, которые приближают человечество к идеальному обществу, построенному на идеальном праве.

Всемирная история в представлении Сорокина является *историей постепенного освобождения личности*: от опеки, от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи, государства и именно это освобождение и есть доказательство постепенного морально-правового прогресса. Кроме освобождения человека от излишней опеки и сковывающих его уз, Сорокин считал показателем прогресса и *тенденцию падения жестокости*, отмечая, что «жестокость является переменной, стремящейся к нулю, как к своему пределу». Говоря о падении жестокости, Сорокин имел в виду и гуманное отношение к преступникам, к которым позже в Гарвардском центре по социзидательному альтруизму в 50-е гг. XX в. он пытался применить систему «кальтруистического перевоплощения». Наряду с падением жестокости, Сорокин выявлял и *историческую тенденцию падения кар*. По нашему мнению, решение именно этой проблемы – *приемлемости жестокости в обществе*, т.е. частоты применения крайней меры наказания смертной казни, увеличения числа жертв самоуправства и самосуда, и стало в начале XX в. самым веским доказательством в пользу морально-правового прогресса или регресса того или иного общества. В этом смысле в начале XX в. Россия являлась, по нашему мнению, *полигоном противоборства регрессивных и прогрессивных тенденций*.

П.А. Сорокин одним из первых в российской политико-правовой мысли развивал теорию морально-правового, нравственно-правового прогресса и регресса, используя критерии «поступательного движения наций вперед», в том числе и в правовой сфере, Дж. Вико, а также идеи Г. Гегеля, И. Канта, а из российских исследователей – М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого. Гуманизация общества и человека приняла у Сорокина характер альтруистического перевоплощения человека; в этом смысле он акцентировал внимание на альтруистической любви и «праве взаимной солидарности и любви людей друг к другу». Тем самым П.А. Сорокин, по нашему мнению, одним из первых в мировой гуманитарной мысли XX в. развивал теорию толерантности и продолжал идеи философии ненасилия Л.Н. Толстого, др.

Правовой идеал, понимаемый им как морально-правовой прогресс, не являлся чем-то недостижимым. Отчасти он уже стал реальностью, и это подтверждают

выведенные Сорокиным исторические законы падения жестокости, кар и наказаний, законы о правовом равенстве людей, росте их солидарности. *Доминантой политики любого государства*, по его мнению, должна быть тщательно продуманная *демографическая политика* с целью сохранения «основного биологического расового фонда лучших производителей страны»; здесь Сорокин сумел предугадать демографические катастрофы конца XX в. и дать рецепт будущим политикам. *Важным критерием правового идеала* Сорокина выступал «морально-правовой термометр» как измеритель правовой защищенности человека и стабильности общества. Этот термометр, по его мнению, отслеживает колебания роста солидарности людей в обществе в периоды их стабильной *правовой защищенности* до резкого раскола и размежевания по политическим партиям, классам и социальным группам при сужении и прямом отсутствии такой защищенности, что может привести к полной анархии, войне или революции, т.е. любым видам социальных потрясений. По нашему мнению, Сорокин правомерно подчеркивал *многоплановый характер права*, в том числе и как «дрессирующей силы», способной привить привычки лишь после выработки определенных навыков и неоднократных повторений. Этот аспект позволяет нам понять принципы правового нигилизма, сохраняющегося в России сегодня. Они заключаются в отсутствии правовых традиций, «привычки к праву», естественного желания обратиться за судебной защитой в любом случае жизненных перипетий, нарушения прав и свобод граждан.

В главе IX «Проблема прав человека, правового идеала в истории политической мысли СССР и России в XX — начале XXI в.» отмечается, что отношение к праву, к правам человека — правовой романтизм как основная доминанта правового идеала советской эпохи — определило и отношение к культурному наследию старого режима в целом. Антиправовой характер Советской власти был закреплен в первые годы после революции введением трудовой повинности (1918), организацией концлагерей (1918), применением административной высылки (1922), лишением прав (1920-е гг.). Дискурс насилия в советском обществе был инициирован явлениями группового насилия (В.А. Тишков) в форме Первой мировой и Гражданской войн, а также революции октября 1917 г., деятели которой утверждали как основные принципы политики: 1) право силы, а не силу права; 2) перманентную борьбу со свободомыслием, инакомыслием; 3) террор. Основанием новой государственности в Советской России таким образом стало насилие. Определяющую роль в этом отношении сыграла Первая мировая война, способствовавшая отказу от либеральной модели правового идеала — правового государства и невозможности развития России по западному пути. Первая мировая война, по мнению И.А. Ильина, стала вторым после Французской революции XIX в. этапом кризиса современного правосознания и превратила вопрос права в вопрос силы, борьбу — в насилие, исход конкуренции — в истребление. В результате воля к праву и вера в право стали казаться предрассудками. Третьим таким этапом стала Октябрьская революция как процесс окончательного разложения либерального духа и правосознания.

Распространение в советской ментальности идеи подчинения личности и ее прав интересам коллектива, приоритета государства над правом способствовали пониманию политической власти как источника права, государства как единственного гаранта прав граждан. Подобные постулаты идеологического официоза

вступали в вопиющее противоречие с принятыми во всем цивилизованном мире положениями о правовом статусе гражданина, системе прав человека, социальной защищенности личности, активном участии граждан в государственной и общественной жизни. Вся юридическая наука, однако, оставалась при этом «мертвым грузом» в условиях, когда права человека и гражданина постулировались, но не осуществлялись.

Появление «самиздата» (1956 г.), «тамиздата» (1968 г.), создание Комитета прав человека (1970 г.), Московской Хельсинкской группы (1976 г.), Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (1977 г.) – все эти и другие события стали этапами диссидентского движения, каждый из которых вызывал новую волну массовых арестов, высылки за границу, административной ссылки, принудительного лечения в психиатрических больницах. Теоретиком диссидентского движения в советский период и свободомыслия в России, в целом, стал академик, лауреат Нобелевской премии Мира А.Д. Сахаров, одним из первых в России поднявший проблему прав человека как приоритетную доминанту правового идеала на государственном и международном уровне.

Правовая оценка перспектив будущего политического развития, по нашему мнению, стала воплощением правового идеала А.Д. Сахарова. Она предполагала: ликвидацию в мире нищеты, угнетения, догматизма и демагогии (в том числе расизма, фашизма, сталинизма и маоизма, как их крайних выражений), движение человечества по пути прогресса «на основе использования в условиях социальной справедливости и интеллектуальной свободы всего положительного опыта, накопленного человечеством». Проницательно определяя будущую правовую политику XXI в. как политику компромиссов, А.Д. Сахаров одним из первых в мире выдвинул идею конвергенции социалистической и капиталистической политических систем, ибо и та и другая система доказали в XX в. свою жизнеспособность. По нашему мнению, эта идея стала в XX в. предтечей доктрины глобализации, основанной на общемировой заинтересованности прогрессивных сил «в научно-демократическом подходе к политике, экономике и культуре» (А.Д. Сахаров). Слагаемыми правового идеала А.Д. Сахарова, по нашему мнению, взаимообусловленность которых для него несомненна, были права человека и гражданина, достоинство личности, мирное разрешение конфликтов, гуманизация политики, формирование правовой культуры. Именно они, по мнению Сахарова, должны были способствовать открытости советского общества влияниям универсальных ценностей человеческого мира. При этом определяющее значение в формировании судеб человечества он отдавал гражданским и политическим правам, взаимному доверию открытых обществ.

Как видим, академиком А.Д. Сахаровым были заложены основы будущей правовой политики (составившие суть концепции правового государства) правительства России, реализация которых в конце XX в. затянулась на целое десятилетие. И сегодня пока не решен весь комплекс политико-правовых проблем, обозначенных А.Д. Сахаровым еще в 1978 – 1989 гг. как насущных. Так, до сих пор не решен вопрос об отмене смертной казни, пока продолжает действовать мораторий на ее применение, объявленный в связи с принятыми Россией обязательствами при вступлении в 1996 г. в Совет Европы. Идеи А.Д. Сахарова стали программными для правозащитного движения в 70 – 90-х гг. XX в. и остаются таковыми до сих пор, в

определенной степени способствуя трансформации идеологии этого движения от конфронтации к сотрудничеству с государственной властью в определенных направлениях деятельности.

Современная политика российского государства может поистине быть названа правовой, гражданской политикой, идеи и основные элементы которой разрабатывались русскими либералами, начиная с М.М. Сперанского. Совершенствование российского законодательства, затронувшее сегодня все отрасли права, направлено на защиту универсальных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с международными стандартами в области прав человека. Вступление России в 1996 г. в Совет Европы и выполнение в связи с этим целого комплекса обязательств (по реформе пенитенциарной системы, передаче религиозным организациям их собственности, др.) по защите прав человека способствовало трансформации правовой культуры от социоцентристского к персоноцентристскому типу (А.П. Семитко), политического режима – от посттоталитарного к демократическому, политической культуры – от патриархальной к гражданской (культуре участия). Многовековой «тяжкий путь к праву» (С.С. Алексеев), по нашему мнению, завершился, однако требуется постоянное поддержание в российском обществе и государстве духа законности, верховенства права, в целом, правовой политики, способной противостоять возможной реанимации атакизмов тоталитарного режима.

Основной тенденцией развития правового идеала в конце XX в. – начале XXI в. мы считаем глобализацию прав человека, гарантии которых включены сегодня в определенной степени в каждый правовой, государственный, политический, в частности, либеральный и социал-демократический идеалы. Стратегия защиты прав человека, осознаваемой как цель государственной политики любого государства в настоящее время, выходит сегодня на новый уровень – уровень нового персоналистского гуманизма, толерантности.

Среди необходимых сегодня законодательных мер по сохранению человека как высшей правовой ценности, требующих неотложных действий, мы считаем прежде всего следующие: 1) принять законы «О здоровье», «О биоэтике», в которых закрепить: ответственность граждан за состояние собственного здоровья; ответственность за коммерциализацию трансплантации органов и тканей; необходимость создания и распространения системы хосписов – паллиативного лечения; запрет активной и пассивной эвтаназии, альтернативой которым и является паллиативное лечение; запрет клонирования человека; запрет рекламы, вредной для здоровья человека; ответственность женщин, больных СПИДом, страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, за рождение больного ребенка, и ограничение деторождаемости для таких женщин; развитие института суррогатного материнства, др.; 2) ввести мораторий на эксперименты по клонированию человека в России, подобно США, Франции, Италии, Греции, Латвии, другим государствам, которых на сегодня уже 27; 3) ратифицировать протокол Совета Европы о запрете клонирования человека; 4) организовать правовое просвещение по биоэтическим проблемам в средних и высших профессиональных учебных заведениях; 5) создать в системе Аппарата Уполномоченного по правам человека РФ (в том числе на уровне субъектов РФ) институт посредника или общественного инспектора органов здравоохранения для разрешения споров и проблемных ситуаций между врачами и

пациентами (на примере Франции); 6) возродить институт семейных, частнопрактикующих врачей, существовавший в России до 1917 г., когда врач знал состояние здоровья родителей и прародителей больного, что в определенной степени облегчало установление диагноза, назначение лечения, предотвращение болезни; 7) учитывая превышения уровня смертности над уровнем рождаемости, неблагоприятную экологическую среду во многих регионах России, принять программу содействия демографическому развитию России с целью спасения генофонда нации.; 8) отменить смертную казнь.

Будущее нового гуманизма в гуманитарной теории и практике, как мы считаем, – это вариации экогуманизма и толерантности, утверждение которых будет способно сохранить: 1) многообразие мира во всех его проявлениях; 2) разнообразие идей, взглядов, религиозных исканий, движений, предполагающее терпимое к ним отношение со стороны общества и государства; 3) человеческое сообщество, земную цивилизацию в условиях постоянной опасности экологической катастрофы, утраты экологического равновесия, гармонии человека с природой. Поэтому кредо нового гуманизма XXI в., мы считаем, может быть выражено в следующих принципах отношения человека к природе, обществу, миру, цивилизации и к себе подобным: «Улучшать сохранять», «Совершенствовать, не истребляя», «Преобразовывать, не ускоряя времени бег».

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Положения, содержащие элементы новизны, выносимые на защиту:

1. Правовой идеал можно рассматривать как феномен политико-правового наследия; как модель политической идеологии; как цель, в направлении которой развивается правовая культура; как доминанту общественного и политического сознания, постепенно ставшую в XX в. частью российской ментальности. Как феномен политико-правового наследия в контексте данного исследования правовой идеал рассматривается как моделирование будущего политико-правового, государственного, социального устройства России посредством правовых механизмов; как доминанта основных направлений правовой, гражданской, гражданской политики.

2. Как наиболее глубинная парадигма правовой культуры (т.к. каждой культуре присущ свой идеал, являющийся своеобразной матрицей) либеральный правовой идеал включает в себя: признание личности высшей правовой ценностью; утверждение верховенства права, обоснованности и гарантированности прав и свобод человека и гражданина как принципов справедливого правопорядка; гуманизацию политики и законодательства; признание естественной потребности общества и государства в правовом регулировании взаимоотношений личности, общества и государства.

3. Специфика теоретического конструирования правового идеала в России детерминирована геополитическими, социально-экономическими, культурно-психологическими (в частности, феноменом поколенческого порога, т.е. процессом многолетнего преодоления, культурных переживаний прогрессивных идей современности) и историческими условиями формирования либеральной традиции в России.

4. Реальным может стать идеал, достигнутый путем утверждения, защищенности, гарантированности персональных ценностей прав человека, а не «скачка в царство свободы», в утопию земного рая. В методологическом смысле построение правового идеала возможно в русле интегрализма, использования метода политико-правового моделирования, персонистического и феноменологического подходов в отношении к политико-правовому наследию России.

5. В истории российского либерализма прослеживается смена нескольких этапов его формирования и развития: просветительский, консервативный, радикальный, демократический. Эволюция правовых идеалов в контексте этих этапов представляет собой постепенное утверждение как закономерного для России движения по пути правового прогресса, условием которого является обеспечение защищенности, гарантированности прав и свобод личности как высшей правовой ценности; признание необходимости проведения правовой, гражданской политики как условия формирования современного права.

6. Доминантой, определяющей сущность правовых идеалов в российском либерализме) конца XIX в. – начале XX в., стала идея солидаризма, социальной солидарности, развитие которой лежит в основе исторического прогресса человечества.

7. Доминирование философии преступления, репрессивная политика Российского государства вели к формированию таких черт российского менталитета наряду с правовым нигилизмом, как правовой аскетизм (самоограничение правом в силу приоритета и традиционности моральных регуляторов, отсутствия правовых знаний) и правовой эскапизм (избегание права, уход от него в обычай, мораль).

8. В процессе развития российского либерализма в XIX в. – начале XX в. постоянно происходило столкновение нескольких противодействующих потоков – путей правового прогресса и правового регресса, нравственно-религиозного и правового прогресса. В силу маятникового движения российской истории, в частности истории российского либерализма, очередные периоды либерализации совпадали с антиправовыми установлениями, действиями революционных сил, что способствовало откату либерализма, свертыванию его в политике и отступлению к реакции.

9. Стержнем моделей правовых идеалов XIX – начала XX в. стала разработка основ правовой политики и правовой техники как условий формирования современного права, реализации прав и свобод человека и гражданина в России.

10. Идеи права на индивидуальность, разнообразие, отличие (как определяющая парадигма толерантности) и права на достойное существование развивались представителями российского либерализма как основные доминанты правовой политики, как залог правового прогресса. Утверждение этих идей несло с собой эвристическую нагрузку, предполагая появление научной парадигмы в российской политической и юридической науке, включающей в себя: философию прав человека, персоналистский гуманизм, теорию толерантности.

11. Персоноцентристский подход становится приоритетным в политико-правовой мысли России конца XIX в. – начала XX в. и выражается в отстаивании новых теорий: учений о личных правах (М.М. Ковалевский), о праве на достойное существование (П.И. Новгородцев, И.А. Покровский, В.С. Соловьев), о личности как высшей правовой ценности (Н.Н. Алексеев, П.И. Новгородцев, И.А. Покровский), о

праве на индивидуальность, о неотъемлемых правах личности (И.А. Покровский), др.

12. Концепция правового социалистического государства Б.А. Кистяковского стала эвристическим подходом, позволившим гуманизировать социалистическую доктрину синтезировать ценностные подходы либерализма и социализма.

13. В политической мысли России конца XIX – начала XX в. утверждаются новые категории «правовая политика», «политика права», «гражданская (цивильная) политика», свидетельствующие о взаимообусловленном и параллельном развитии в этот период политической и юридической теорий, об отказе от отождествления феноменов политики и права.

14. Основы для формирования политической науки в России, развивавшейся параллельно с русской либеральной традицией, были заложены Б.Н. Чичериным, А.Д. Градовским, П.И. Новгородцевым, Б.А. Кистяковским, И.А. Покровским.

15. В политической теории XX в. утверждается концепция множественности факторов прогрессивного развития человечества (М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, А.Д. Сахаров), ставшая составной частью моделей правовых идеалов этих мыслителей.

16. Концепция правового идеала как основа будущей правовой политики российского правительства в советский и постсоветский период разрабатывалась академиком А.Д. Сахаровым, развивавшим ведущие идеи философии прав человека – идеи взаимосвязи прогресса и ненасилия, толерантности, мира.

17. Перспективы моделирования новых правовых идеалов как фундаментов правовой, гражданской политики государства, по нашему мнению, связаны: 1) с вовлечением в процесс правовых реформ представителей всех отраслей знания - наряду с мощной когортой юристов - политологов, историков, экономистов, психологов; 2) с утверждением самостоятельности и взаимообусловленности феноменов права и политики, а также политики права и правовой политики; 3) с формированием философии толерантности, персоналистского гуманизма как составляющих новую парадигму политической и правовой наук; 4) с разработкой новых прогрессивных методов и подходов в политической науке России, позволяющих создавать оптимальные, рациональные модели правовых идеалов, разумно конструировать стратегию и тактику гражданской политики в России.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях

1. Права человека: русские версии // Монография. Издательство Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2000. – 11,75 п.л.
2. Проблема правового идеала в русском либерализме // Монография. Издательство Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2001. – 27,09 п.л.
3. Право и нравственность как феномены русской политической мысли (конец XVII – середина XIX в.) // Судьба России: духовные ценности и национальные интересы. Вторая Всероссийская научно-практическая конференция ИППК УрГУ, Екатеринбург, 1996. – 0,1 п.л.
4. Идея конституционализма в российской политической мысли XVIII – XX в. // Конституционализм в России: теория, история, современность. Региональная научно-практическая конференция. УрГУ. Екатеринбург, 1996. – 0,2 п.л.

5. Права человека в истории общественно-политической мысли России (XVII – нач. XX в.) // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право», Екатеринбург. 1996. № 1. – 0,5 п.л.
6. Права человека как инструмент общественного согласия в российской истории и современности // Общественное согласие в российской действительности: уроки истории и современности. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. УрГУ. Екатеринбург, 1997. – 0,1 п.л.
7. Права человека в политической теории и практике России первой четверти XX века / / Судьба России: исторический опыт XX столетия. Тезисы докладов Третьей Всероссийской научно-практической конференции. УрГУ. Екатеринбург, 1998. – 0,1 п.л.
8. Права человека в контексте правовой культуры России: ретроспективы и перспективы // Российская культура на рубеже пространств и времен. Тезисы докладов научно-практической конференции. Гуманитарный университет. Екатеринбург, 1998. – 0,1 п.л.
9. Особенности формирования правовой культуры личности в России // Формирование правовой культуры личности в России. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. УрГУ. Екатеринбург, 1998. – 0,1 п.л.
10. Права человека в контексте правовой культуры России // Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. МНЭПУ. Москва, 1999. – 0,1 п.л.
11. Проблема прав человека в политико-правовых исканиях отечественной мысли // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». Екатеринбург, 1999. № 2. – 1 п.л.
12. Прошлое, настоящее, будущее человека: от культуры к культуре мира // Толерантность и ненасилие: Теория и международный опыт // Материалы зимней школы Уральского Философского общества. Екатеринбург, 2000. – 0,4 п.л.
13. Формирование российской правовой культуры: проблемы преподавания курса «Права человека» // Ценности и социальные технологии демократического общества XXI века как цель высшего гуманитарного образования. Тезисы докладов научно-практической конференции. Гуманитарный университет. Екатеринбург, 2000 г. – 0,4 п.л.
14. Заметки к философии права В.С. Соловьева // В.С. Соловьев. Жизнь, учения, традиции. Материалы I Всероссийской научно-практической заочной конференции. УрГУ. Екатеринбург, 2000. – 0,2 п.л.
15. Коллизии идеалотворчества в российском философско- правовом наследии // Русская философия XX века: национальные особенности, течения и школы, политические судьбы. Материалы III Всероссийской научно-практической заочной конференции. УрГУ. Екатеринбург, 2000. – 0,6 п.л.
16. Б.А. Кистяковский о правовом государстве // Русская философия XX века: национальные особенности, течения и школы, политические судьбы. Материалы III Всероссийской научно-практической заочной конференции. УрГУ. Екатеринбург, 2000. – 0,3 п.л.
17. Философско-правовые основания общественных идеалов русских мыслителей конца XIX в. – начала XX в. // Судьба России: образование, наука, культура. Тезисы докладов IV Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию УрГУ. Екатеринбург, 2000. – 0,1 п.л.
18. Б.Н. Чичерин: штрихи к интеллектуальной биографии // Персонология русской философии. Материалы IV Всероссийской научно-практической заочной конференции. УрГУ. Екатеринбург, 2001. – 0,5 п.л.

19. Мемуары кн. Е.Н. Трубецкого как достояние русской философской и литературной мысли // Литература как форма существования философии. Материалы научной конференции. УрГУ. Екатеринбург, 2001. – 0,2 п.л.
20. Российская интеллигенция: от идеализма к прагматизму // Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена веков». УрГУ. Екатеринбург, 2001. – 0,1 п.л.
21. Права человека в контексте нового гуманизма // Проблема нового гуманизма в мировом и российском контекстах. Тезисы докладов научно-практической конференции Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2001. – 0,2 п.л.
22. Вариации нового гуманизма в гуманитарной и естественнонаучной теории и практике XX в. // Проблема нового гуманизма в мировом и российском контекстах. Тезисы докладов научно-практической конференции Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2001 г. – 0,4 п.л.
23. Специфика национального идеала в отечественной философско-правовой и общественной мысли // София: электронный журнал Общества ревнителей русской философии. УрГУ. Екатеринбург, 2000. № 1. – 0,5 п.л.
24. Интеллектуальная биография П.А. Сорокина // София: электронный журнал Общества ревнителей русской философии. УрГУ. Екатеринбург, 2001. № 2–3. – 0,5 п.л.
25. Антиправовая политика Советской власти в 20-е годы // Армагеддон: журнал Московского педагогического института. Москва, 2001. – 0,4 п.л.
26. Развитие права и правовой науки в контексте юридического образования в России // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». Екатеринбург, 2001. № 3. – 1 п.л.
27. Право и нравственность в русской философии права: некоторые аспекты проблемы // Современная философия в поисках сущностей и смыслов. Тезисы докладов научно-практической конференции. УрГУ. Екатеринбург, 2001. – 0,2 п.л.
28. Правовой идеал Н.Н. Алексеева // София: электронный журнал Общества ревнителей русской философии. УрГУ. Екатеринбург, 2001. №№ 2–3. – 0,5 п.л.
29. Проблема прогресса в русской политической философии // София: электронный журнал Общества ревнителей русской философии. УрГУ. Екатеринбург, 2002. № 4. – 0,5 п.л.

Подписано в печать 08.04.2002 г. Формат 60х84/16
Бумага писчая № 1.
Усл. печ. л. 3. Тираж 100 экз. Заказ №
ООО «Таймер КЦ»
620011, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 145